Борис Степанович Рябинин

Пионерский подарок

ПИОНЕРСКИЙ ПОДАРОК

— Ах, какая жалость! — сказала за обедом мама.- Атильда-то ведь околела! Такая хорошая была собака!..

Мама всегда сообщает все новости за обедом. Витя перестал есть и насторожился.

— Что с нею было? — спросил отец. Он на минуту оторвался от газеты, которую по обыкновению читал за столом, и, сверкнув стеклышками очков, поднял близорукие глаза на жену.

— Никто точно ничего не знает. Кто говорит, что костью подавилась, а кто — что съела какую-то отраву… Жалко собаку!

— Витя очень живо представил себе веселую, резвую собаку, часто проходившую у них под окном со своим хозяином. Ух и собака! Все прохожие заглядывались на нее. Умная. Все команды знала! Скажут ей: «Сидеть!» — и она сядет. Скомандуют: «Рядом!» — и она идет рядом, как пришитая… А какая большая! Если встанет на задние лапы, то передние свободно положит Вите на голову… Неужели Атильда околела?!

— У нее, кажется, недавно щенки родились? -снова спросил отец, переворачивая газету.

— Ой и не говори! — жалостливо воскликнула мама.- Третий день пошел… Совсем крошки! Не знают, что с ними делать. Маленькие, есть сами не умеют… пищат…

Смотреть на них-одни слезы! — И мать сокрушенно махнула рукой.

Витя торопливо закончил обед и побежал к соседям.

Да, Атильды уже не было. Ее унесли еще утром. А на ее месте в углу, где так любила нежиться собака, остались семеро беспомощных, слепеньких щенят.

Маленькие, больше похожие на мышат, чем на щенков восточно-европейской овчарки, копошились они в осиротевшем гнезде, неуклюже тыкались незрячими курносыми мордочками и жалобно пищали. Несоразмерно огромные рты их широко раскрывались, как будто щенята старались возможно больше глотнуть воздуха.

Щенки были голодны. Их пробовали кормить. Поставив перед ними блюдечко подогретого молока, окунали в него мордочки малышей, но они вырывались, чихали и принимались пищать громче прежнего. Лакать они еще не умели.

Попробовали поить их из соски. Но не помогла и соска. Щенки с остервенением выталкивали ее изо рта, заливаясь молоком. Белые капли текли у них по черным мордочкам, размазывались по крошечным усам.

Мокрые, со слипшейся от молока шерсткой щенята выглядели еще более беспомощными и жалкими.

Витя ушел от соседей опечаленный и притихший. Писк осиротевших малюток еще долго слышался ему.

Судьбой щенков интересовался весь дом. Соседки, встречаясь в подъезде, сочувственно справлялись друг у Друга:

— Ну что? Живы еще?

— Живы… Да долго не протянут!..

— Так и не едят?

— Так и не едят…

Через сутки отчаянный щенячий писк начал стихать. Малыши гибли без матери. Один за другим они затихали, расползались по подстилке в разные стороны и застывали безжизненными черными комочками. Их убивал голод.

Еще через сутки остался в живых только один. Это был самый крупный из семерых и потому жизнь в нем держалась крепче, чем в остальных. Он все еще ползал по опустевшему гнезду и чуть слышно попискивал.

Вите было очень жаль щенят. Он, кажется, готов был отдать что угодно, только бы сохранить жизнь хоть одному из них. По нескольку раз на дню прибегал он к соседям, чтобы с грустью убедиться, что щенят становится меньше и меньше. Около последнего он просидел на полу целый вечер, а потом выпросил его себе. Щенка положили в старую муфту, и Витя отнес его в свою квартиру.

Дома с жалобным мяуканьем бегала кошка. Тяжелые, полные молока сосцы ее почти волочились по полу. У кошки недавно родились котята, их утопили, и она не находила себе места. Она разыскивала своих исчезнувших детей, не давая своими криками никому покоя.

Витиному отцу пришла мысль подложить щенка к кошке. Чтобы она приняла его за котенка, щенка натерли кошачьим молоком, выдавленным из сосцов, и в отсутствие Мурки положили к ней в гнездо.

Вернулась кошка. Она сразу почуяла, что в гнезде кто-то есть. Бросилась туда и… взъерошенная, отскочила.

Потом стала осторожно принюхиваться. Видимо, она была в недоумении. Пахло и котятами, и собакой… Что бы это могло значить?

Фыркая, как будто она ждала какой-то неприятности, кошка мало-помалу вошла в гнездо, быстрым, грациозным движением лапки перевернула щенка и стала его нюхать.

Щенок запищал. Почувствовав теплоту кошкиного тела, подполз под Мурку и, неумело тычась, стал искать сосцы. Кошка снова отпрыгнула от него. Он подполз опять. Мурка напружинилась, приготовилась бежать и — вдруг тронула малыша своим шершавым языком. Раздалось громкое мурлыканье, и вслед за тем аппетитное чмоканье возвестило, что щенок, наконец, нашел-то, что искал.

Не выдержало материнское сердце! Если этот черный малыш и обладал почему-то странным запахом собаки, то по всем ухваткам он так напоминал ее котят… С минуту Мурка стояла, как оцепеневшая, боясь вспугнуть приемыша, затем осторожно легла. Он привалился к ней плотнее, чмоканье стало более громким и частым.

Насосавшись досыта, щенок отвалился от своей кормилицы и сейчас же уснул. Кошка тщательно вылизала его всего от макушки до кончика тоненького, как веревочка, хвостика Она долго лежала неподвижно, опасаясь потревожить его сон, затем неслышно выбралась из гнезда и, успокоенная, забыв о своем недавнем горе, отправилась лакать молоко.

За этой историей наблюдала вся Витина семья. И когда стало совершенно очевидно, что усыновление состоялось, Витин отец сказал:

— Ну, живет теперь твой пес! — и ласково потрепал сынишку по взлохмаченной голове.

Муркино молоко пошло щенку впрок. Наедался он до того, что с трудом передвигался, и обязательно после этого засыпал крепким сном. С каждым днем он делался бойчее, крупнее и толще. Стал вылезать из гнезда и, когда Мурки почему-либо долго не было, громко и нахально пищал, требуя пищи.

Через две недели он прозрел. Темные, подернутые первое время сизой пленочной глаза с большим любопытством посматривали на окружающий мир. В гнездо он забирался теперь только спать да кушать; остальное время ползал по квартире, совался во все углы, попадался всем под ноги.

Витя нарадоваться не мог, глядя на своего питомца. Из крошечного неказистого создания тот на глазах превращался в красивую собаку. Тупая короткая мордочка стала удлиняться, плотно прижатые к голове ушки оттопырились, хотя еще и не походили на треугольные стоячие уши восточноевропейской овчарки. Подлинней стал и хвостик. А темно-бурая, почти черная шерсть выцвела, посветлела, постепенно приближаясь к серо-волчьей окраске овчарки.

Мурка и щенок теперь подолгу играли друг с другом. Подскочив к приемышу, кошка ловко опрокидывала его лапой и тотчас отскакивала прочь, а он, поднявшись, неуклюжий, но настойчивый, снова наступал на нее. Обоим это доставляло необычайное удовольствие.

Не то началось, когда у щенка прорезались зубы. Мурке приходилось плохо. Щенок становился сильней день ото дня, он безжалостно царапал кошку когтями, колол острыми, как иголочки, клыками. В довершение беды не стало хватать молока, и щенок, требуя своего, терзал и грыз приемную мать без всякого снисхождения. Иногда он так вцеплялся в нее, что она с жалобным мяуканьем спешила убраться от своего мучителя.

Теперь Витя подкармливал малыша из резиновой соски. Вцепившись передними лапами в горлышко бутылки, он с упоением тянул из нее молоко и не отрывался до тех пор, пока не высасывал содержимое до дна.

Как-то раз во время кормления он так усердно причмокнул, что соска соскочила с горлышка и исчезла во рту щенка. Витя раскрыл рот воспитанника пальцем, но-тщетно. Соски как не бывало: маленький обжора проглотил ее!

Чуть не плача, Витя бросился к отцу. Но что мог поделать отец?

За четвероногим проказником стали наблюдать. Ждали, что щенка будет тошнить или появятся какие-нибудь болезненные явления. Ничего подобного! Шалун был веселешенек: колобком катался по комнатам, рычал и лаял на воображаемого противника.

Через день «больному» дали столовую ложку касторового масла. Малыш проглотил касторку с наслаждением, как самое вкусное лакомство, и после тщательно вылизал ложку до блеска.

Наутро соску нашли в углу. Из черной она превратилась в белую.

Скоро щенок приучился лакать молоко из блюдечка, есть жидкую манную кашу. Постепенно он стал привыкать и к твердой пище.

Рост зубов у щенят сопровождается сильным зудом, и в такой период они обычно все грызут и рвут. Пришлось попрятать от малыша туфли, калоши, ботинки, снять на время даже скатерть с обеденного стола, а то он, вцепившись в нее зубами и повиснув всей тяжестью, грозил либо порвать ее, либо стащить все со стола на пол. Он с удовольствием грыз морковку, сухари, а иногда с таким остервенением принимался трудиться над деревянной баклушкой, которую Витя нарочно давал ему, что от нее только щепки летели. Мурку он уже больше ие сосал. Игры, правда, между ними еще продолжались, но скоро пришел конец и им. Щенок не умел рассчитывать свои силы и так впивался зубами, что кошка стала убегать от него.

— Ты что буянишь-то? -говорил в таких случаях Витин отец. — Вот буян! — И постепенно это прозвище сделалось кличкой щенка. Он быстро привык к ней.

— Буян! — кричал Витя, и щенок, забавно забрасывая задние лапы, как будто они стремились опередить передние, бежал к своему хозяину. Прибежав, он садился перед мальчиком и, не мигая, смотрел ему в лицо своими карими смышлеными глазками, словно спрашивая: «Зачем звал?»

Было приятно замечать, как с каждой неделей меняется выражение его мордашки, появляется какая-то осмысленность во всех движениях, по-другому смотрят глаза.

Мама рассказывала, что, когда Витя уходит в школу, Буян часами сидит у окна и тоскует, ожидая хозяина. Утром он ходил вокруг кровати мальчика и с нетерпением ждал, когда тот проснется, а если Витя спал слишком долго, принимался стаскивать с него одеяло. А раз, когда Витя на несколько дней уехал из дома, Буян с утра до вечера был скучный и ничего не ел.

…Витя сидел за столом и готовил уроки, когда прибежал соседский мальчик и крикнул в окно:

— Виктор, спасай своего Буяна!

Витя опрометью выскочил во двор, а оттуда — на улицу. Перед воротами стояла легковая автомашина, какие-то люди, захлопнув дверцу, усаживались в ней, а на переднем сиденье рядом с шофером стоял на задних лапах Буян, царапал стекло и жалобно скулил:

«Украсть хотят. Понравился им Буян…» — пронеслось в мозгу мальчика. Подбежав к машине, он принялся барабанить кулаками в дверцу, громко крича:

— Отпустите собаку! Это моя собака!

Неизвестные засмеялись, открыли дверцу машины и выпустили Буяна.

— Получай свою собаку, — сказал один из них. — Да, смотри, в другой раз не отпускай ее бегать одну. А то не видать тебе ее, как своих ушей!

С этого дня Витя перестал выпускать Буяна на улицу одного, а всегда гулял с ним сам.

Буян рос резвой и сильной собакой. Играть он был готов с утра до позднего вечера. Набегается, нарезвится на улице вволю, придет домой — опять топчется между людьми, заглядывает всем в глаза: не поиграют ли? Из-за этого ему часто приходилось терпеть разные мелкие неприятности — то прищемят хвост, то отдавят лапу. Особенно часто наступал ему на лапы близорукий отец Вити. Буян взвизгнет на весь дом и отскочит с таким видом, как будто ему грозила смертельная опасность.

— Не ходи босиком!-скажет невозмутимо отец.

Наигравшись, набегавшись за день, Буян даже во сне не мог успокоиться. Спит, а у самого дергаются ноги, ходят мускулы под кожей, мелко-мелко дрожат веки. Порой даже начнет тоненько тявкать.

— Ну, побежал!-говорил в таких случаях отец.

— Папа, неужели он видит сны?-спрашивал Витя, с удивлением прислушиваясь к сонному подвыванию щенка.

— А почему бы нет? Ты же их видишь!

— Ну, то я…

— Ты не согласен? Сон — это отражение действительности. Впечатления дня тревожат его ночью, и в этом смысле разница между тобой и им небольшая…

— А что он видит? — спрашивал через минуту Витя, поразмыслив над словами отца.

— Это уж ты спроси у него. Вероятно, гонится за чужой собакой…

К полугоду Буян ничем не напоминал того горемыку, какого Витя принес в старой муфте. У него встали уши. Теперь он удивительно походил на большого красивого пса, которого однажды Витя видел на выставке собак.

Однажды в школу, где учился Витя, пришел человек в военной одежде. На общем собрании учащихся, происходившем в большом зале, он отрекомендовался представителем клуба служебного собаководства и спросил, кто из ребят хочет стать членом этого клуба.

Школьники молчали. Тогда военный спросил:

— Кто из вас, ребята, любит животных?

Подняли руки все. Военный улыбнулся.

— А у кого есть дома свои четвероногие друзья?

Опять подняли руки многие. Почти у всех были дома кошки или котята. У нескольких ребят во дворе жили дворняжки. И только у Вити оказался свой собственный щенок, да еще породистый, как говорили Вите соседи — хозяева Атильды.

Военный пригласил Витю на середину сцены и спросил:

— А кто еще хочет воспитывать породистого щенка?

Желающих нашлось немало.

— Тогда надо вам организовать кружок юных друзей обороны, потому что овчарка — это служебная собака, а служебные собаки необходимы нашей стране и в мирном быту, и для обороны.

— Дядь… — начал было Витя, когда собрание кончилось и военный спустился со сцены. Мальчик поперхнулся, но тотчас же продолжал уверенно: — Товарищ начальник, а я вас знаю!

— Откуда же?

— А вы хотели у меня собаку увезти, — смело ответил Витя.

— Ого! — засмеялся военный. — Теперь и я, кажется, припоминаю тебя. Возможно, что и хотел. Только не с целью похищения, а как раз наоборот. Тебе же на пользу.

— Как это? — удивился Витя.

— А вот так. Чтобы в другой раз не отпускал собаку беспризорной. Собачников знаешь, которые по улицам ездят и всех бродячих собак ловят и в ящик сажают? Видал, конечно. А если бы они твою собаку поймали?

Это было бы похуже! Вот, чтобы этого не случилось, я и хотел подобрать твоего щенка. У меня в клубе он уж никуда не делся бы. Через день-другой он вернулся бы к тебе, а для тебя была бы хорошая наука…

— А куда они их потом девают? — спросил Витя, думая о собачниках, разъезжающих по

улице. Ему не раз приходилось наблюдать, как они ловко ловили собак проволочными петлями-удавками, привязанными к длинным палкам.

— Куда девают? Подождут немного, и, если хозяин не явится выкупить собаку, значит, считай, конец. Получше продадут, и не узнаешь куда, а которые похуже — на веревку...

С этого времени Витя стал аккуратно посещать кружок юных собаководов. Вместе с ним там занималось много мальчиков и девочек. Лекции в кружке читал начальник клуба служебного собаководства, тот самый военный, который приходил в школу.

Постепенно Витя узнавал, какое широкое применение имеет служебная собака. В военном деле — это и связист, и разведчик, и санитар, и часовой. В мирном быту — пастух, сторож, сельский почтальон. И не только овчарки, но и доги, доберман-пинчеры, эрдель-терьеры, лайки — все они служебные собаки, о разведении которых заботится государство. Многому научился в кружке Витя. К весенним каникулам он уже знал, как воспитывать и дрессировать щенка.

К этому времени Буян уже значительно подрос, у него появились злобность, чуткость и недоверчивость. Он уже не ласкался к кому попало, а, наоборот, если в квартиру заходил чужой человек, бросался на него, задорно лаял, не да шутку грозясь укусить. Незнакомые люди пугались его, и щенка приходилось либо брать на поводок, либо отсылать в другую комнату, где он еще долго продолжал лаять и бросаться на дверь. Он успокаивался только тогда, когда чужой уходил.

С первыми теплыми днями для Буяна началась регулярная учеба на дрессировочной площадке. Недрачливый и спокойный по природе, он быстро освоился с площадкой, со своеобразными порядками многочисленного собачьего сборища. И мальчик и собака ходили на занятия с удовольствием.

Буян проявлял поразительные успехи в дрессировке. Стоило ему повторить прием два-три раза, и он уже запоминал его, знал, чего от него требуют. Вскоре он умел по команде садиться, вставать, ложиться, переползать с одного места на другое, ходить рядом строго с левой стороны от хозяина, приносить поноску-аппорт.

Большого успеха добился Витя в развитии выдержки у собаки. Он мог положить Буяну на нос кусочек мяса, приказывал: «Фу!», что означало «нельзя», и пес терпеливо сидел, не шевелясь и почти не дыша, до тех пор, пока не раздавалась вторая команда: «Возьми!». Тогда Буян молниеносно подбрасывал мясо вверх, ловил его в воздухе и проглатывал.

Постепенно пес усваивал все более сложные приемы. Заканчивалось и его физическое формирование. Он превратился в крупную, хорошо и правильно сложенную восточноевропейскую овчарку, цветом и ростом очень похожую на волка.

Некогда нелепо оттопыренные уши теперь стояли торчком, острые, как стрелки. Когда они двигались, это обозначало, что Буян прислушивается; в такие моменты лоб собаки морщился, на нем появлялись забавные поперечные складки, как будто Буян о чем-то старательно думал. Челюсти украсились мощными белыми клыками, способными разгрызать любую кость. Маленький тонкий прутик превратился в длинный пушистый хвост. Хвост был барометром настроения Буяна:когда щенок резвился, играл, хвост отчаянно мотался из стороны в сторону; когда Буян настраивался на драчливый лад, хвост задорно вскидывался кверху; когда же пес чувствовал себя неуверенно, трусил или знал, что в чем-то виноват, хвост опускался книзу и прятался между задними лапами под брюхом.

Как по хвосту можно судить о настроении собаки, точно так же по кончику ее носа вы безошибочно можете определить состояние ее здоровья. Если нос холодный и влажный, — все хорошо. Если нос сделался вдруг сухим и горячим, значит псу нездоровится, хозяин — следи.

Как-то раз, возвратившись домой с площадки, Витя заметил, что Буян скучный. От корма он отказался, ушел в свой угол и лег. Утром он не встал. Черный сухой нос его растрескался, бока запали. Пес тяжело дышал и нервно вздрагивал. Предложенную чашку корма он даже не понюхал. Лакнул два раза воды и опять свернулся клубком, засунув морду в пах.

На следующее утро он лежал врастяжку на боку. Все тело его содрогалось от конвульсий. Дергались лапы, хвост, уши. Мелко-мелко дрожали и подмигивали веки глаз. Появился насморк. Буян чихал, фыркал, тер нос лапами.

Внезапно он вскочил. Изо рта его текла слюна. Натыкаясь на мебель, пес принялся кружиться по комнате. Он визгливо лаял и причмокивал губами, как будто что-то жевал. Витю он точно не замечал, не слышал обращенных к нему слов. Затем вдруг остановился, постоял, качаясь, как пьяный, и грохнулся на пол.

С помощью отца Витя перенес своего друга на подстилку. Пес был без чувств.

Вызвали ветеринарного врача. После недолгого осмотра врач определил:

— Нервная чума.

Витя испугался. Чума — страшный бич молодых собак, а нервная форма чумы — особенно опасна.

— А она не заразна? — осторожно спросила мама.

— Для людей, вы хотите сказать? -усмехнулся доктор. — Что вы, ничуть! Это же особая чума, собачья, и опасна она только для собак. Даже на кошек не переходит.

Витя полными слез глазами умоляюще смотрел на доктора; папа, размышляя о чем-то, озабоченно хмурил брови.

— Как же быть?-спросил он.-Неужели так и погибнет собака?

— Надо немедленно принимать меры,- сказал врач. — Придется дать пенициллин…

— Так за чем же дело? Действуйте!

Доктор присел к краешку стола, быстро набросал на узенькой полоске бумаги с печатью несколько слов по-латыни и протянул Вите.

— Беги в аптеку. Да живой ногой!

Через полчаса Витя был уже снова дома, а на столе лежала картонная коробочка, в которой находилось несколько маленьких бутылочек, запечатанных металлическими облатками.

Началось лечение. По указанию врача Витя промыл Буяну раствором борной кислоты нос и глаза. Затем доктор, растворив содержимое одной бутылочки в какой-то жидкости, набрал в шприц полученный состав и сделал Буяну укол. Витя напряженно следил, как прозрачная желтоватая жидкость медленно уходила из шприца под кожу собаки.

Уколы делали несколько раз в сутки, через определенные промежутки времени.

— Это, брат, такое лекарство… мертвого поднимет! — успокаивал доктор, но это мало утешало мальчика.

С трудом за сутки Витя выпаивал Буяну полстакана молока. Давал ежедневно порцию белых сухариков. Пес брал пищу очень неохотно, но все же понемногу ел. Хорошо, что Буян был вынослив и упитан. Это давало надежду, что он сумеет побороть болезнь.

Выздоровление затянулось почти на месяц. Однако крепкий организм все же выдержал испытание. Пенициллин спас собаку.

Но еще долго у Буяна оставалось легкое подергивание конечностей, иногда ои вдруг начинал быстро-быстро мигать глазами. Потом, со временем, прошло и это.

— Где мои очки? Витя, не видел мои очки?

— Нет, папа.

— Странно… Куда я их мог задевать?

— Буян, ищи очки! — командует Витя. -Очки! Очки! Понимаешь, очки…

Буян бестолково закружился по комнате, заглядывая под шкафы, стулья. Что такое очки? Кажется, это тот предмет, который Витин отец часто держит в руках, протирает платком, потом зачем-то пристраивает к лицу, а когда теряет (а это с ним бывает довольно часто), то делается сразу беспомощным, ребенок…

— Да вот же очки, папа! Буян нашел их!..

— Кто их положил туда?

— Да уж, конечно, ты сам, — ворчит мама.

А Буян? Он чувствует себя героем. Он гордо носит свой пышный хвост, выступает важно и сию же минуту готов на новую услугу, только кликните его…

Уже не первый раз Буян находит затерявшиеся предметы. Чутье у него изумительное, а в доме он знает каждую вещь.

Он может отыскать вещи не только дома. Не далее как вчера произошел такой случай.

Утром, как всегда, отец Вити отправился на работу, но через несколько минут неожиданно вернулся обратно и с озабоченным видом принялся рыться в ящике письменного стола.

— Что случилось?- спросила мама. — Ты что-нибудь забыл?

— Пропуск… Я, кажется, потерял пропуск на завод… — неуверенно произнес отец.

— Этого еще не хватало! Где ты его мог потерять?

— Не имею понятия… Возможно, что он дома…

— Ты вечно что-нибудь теряешь! — И мать тоже принимается за поиски. Но пропуска нет как нет.

— А может быть, ты потерял его дорогой?

— Может быть…

— Да ты хоть помнишь — брал ты его с собой или нет? — сердится мама.

— Да, брал. Вероятно, брал… Нет, конечно, брал! Ведь он же всегда у меня в кармашке…

— А когда ты заметил, что его нет? -продолжает допытываться мама.

— Я дошел до проходной, хотел показать его вахтеру и…

— Совершенно ясно. Ты обронил его дорогой! Там и надо искать, пока его кто-нибудь не подобрал.

— Буян! — кричит Витя. — Пойдем искать пропуск!

Буян только того и ждет. Опережая всех, он мчится к двери, возвращается с возбужденным видом назад, снова бросается к порогу… Теперь его не удержать ничем!

Вчетвером они отправляются на поиски. Впереди Буян, за ним — Витя, затем — мать и, наконец, замыкая шествие, — отец. Далеко идти не пришлось. Пропуск — маленькая красненькая книжечка — лежал 6 канаве в десяти шагах от ворот. Нашел его, конечно, Буян. Пока люди шарили глазами по тротуару, Буян, уткнув нос к земле, быстро сделал небольшой зигзаг, сунулся в канаву и — пожалуйте! — находка в его зубах. Знакомый запах безошибочно указал ему, что именно здесь лежит потерянная вещь.

— И зачем тебя сюда занесло? — недоумевала мать.

— Я, видимо, снял очки… Да, теперь припоминаю! Я стал протирать очки, оступился, он

и выпал!..

Много разговаривать было некогда. Взглянув на часы, отец сразу заторопился: он еще мог поспеть к началу работы.

После этого случая популярность Буяна в семье возросла еще больше. Его и так любили; теперь он день ото дня доказывал, что заслуживает не только любовь, но и уважение.

Витя задавал себе вопрос: какую специальность определить для Буяна? Его рабочие качества не подлежали никакому сомнению, но они могли быть использованы по-разному. Он был не очень злобен, даже ласков, — значит его можно пустить и по санитарной, и по связной службе. Однако в нужные моменты он проявлял такую недоверчивость и смелость, которые заставляли предполагать, что он будет хорошо служить и как караульная собака.

Витя обратился к начальнику клуба, с которым теперь советовался во всех случаях, когда дело касалось Буяна. Сергей Александрович — так звали начальника — не был «настоящим» военным: он только ходил в военной форме, привыкнув носить ее в армии.

Выслушав мальчика, Сергей Александрович сказал:

— Я тебе советую не торопиться. Раз ты еще сам не решил, что тебя больше интересует, — не спеши. Собака молодая, подождет. А пока займись дополнительной дрессировкой по караульной службе. Это такое дело, которое пригодится всегда…

И Витя стал обучать Буяна приемам: охране вещей, защите хозяина, задержанию, конвоированию, умению не допустить чужого человека к тому месту, где привязана собака.

Однажды Витя вместе с Буяном возвращались с дрессировочной площадки. С наступлением осени дни сделались заметно короче,быстро смеркалось, вечера стали темные, беззвездные. Площадка находилась в центре города, на берегу реки, а Витя жил на окраине, в заводском районе. Занятия кончались поздно, и он часто приходил домой в сумерках.

На этот раз он задержался дольше обычного и возвращался совсем затемно, когда уже зажглось уличное освещение. На окраине улицы были пустынны, и, чтобы дать собаке возможность порезвиться, Витя спустил Буяна с поводка. Обрадовавшись свободе, тот принялся бегать, фыркая, разнюхивать что-то в зелени газона. Порой он убегал из освещенного пространства и тогда Витя подзывал его к себе.

Внезапно мальчик услышал слабый звон. Один из фонарей впереди потух.

Витя остановился и замер. «Кто-то разбил плафон»,-мелькнула догадка. Сердце у него заколотилось сильно-сильно. Мальчик шепотом подозвал собаку:

— Ко мне, Буян!

Из-за кустов акации выпрыгнул Буян и сел у ног своего хозяина.

Витя прислушался. Звон больше не повторялся; ровная цепочка белых светящихся шаров уходила в темноту, лишь в одном месте чернел провал — там, где потух фонарь.

Эти фонари были поставлены недавно и зажглись в канун выборов в Верховный Совет СССР. Всякий раз, идя по улице, Витя любовался на них.

Но несколько дней назад он заметил, что один из белых шаров пробит и не светится. Витя с негодованием подумал о хулигане, который, желая показать свою удаль, не думает о том, что наносит ущерб городу и позорит себя, и не только себя, но и всех ребят. Витя постоянно помнил о разбитом плафоне. А сейчас на его глазах разбили другой.

Решение созрело мгновенно. Скомандовав Буяну: «Рядом!», Витя бросился туда, где

потух фонарь. Буян бежал рядом с ним. Под потухшим фонарем никого не оказалось. Только на земле валялись осколки стекла.

Витя постоял и вдруг услышал удалявшиеся мальчишеские голоса. С Буяном, прыгающим у левой ноги, он устремился в погоню, в глухой переулок. В середине квартала, в самом безлюдном месте, Витя догнал трех подростков и требовательно спросил:

— Это вы разбили фонарь?

Ребята остановились. Один — рослый крепыш, — засунув руки в карманы и широко расставив ноги, окинул Витю презрительным взглядом и вызывающе сказал:

— А хоть бы и так, тебе что?

— Зачем вы это сделали?

— Тебя не спросились!

— Пойдемте в милицию, — отчеканил Витя.

— Чего?! — искренне изумился подросток.

— А вот и чего! Сами не пойдете, вас силой приведут.

— Это кто же? Уж не ты ли?!

— А хоть бы и я!

— Пошли, — позвал второй подросток. — Петька, брось спорить! Не связывайся! Говорили тебе, что не дело это, фонари бить, а ты… Пошли скорей! — Видно было, что он боялся, как бы на подмогу Вите не подошел кто-нибудь взрослый: того же опасался и третий. Увлекая за собой Петьку, они торопливо зашагали прочь. Но Витя не дал им уйти.

— Я вам последний раз говорю: пойдемте в милицию!- сказал он. В тоне его голоса появилась угроза.

— Да отстань ты! Прилип… пластырь!

Петька резко развернулся и сделал движение, как бы собираясь ударить Витю, но в ту же секунду с испугом откинулся назад. Сердито рявкнув, Буян рванулся и, прежде чем Витя успел остановить его, впился острыми зубами в ногу Петьки. Петька охнул и, схватившись за икру, сел на землю. Двое других ребят пустились наутек.

Витя хотел пустить Буяна вслед за ними, но, подумав, что могут быть еще ненужные покусы, не сделал этого. Одного задержал — и ладно. Надо будет, через него узнают и других.

— Вставай!-приказал он Петьке.

— Ты его держи, — плаксиво заговорил Петька, боязливо оглядываясь на Буяна. Он поднялся и, точно побитый, прихрамывая, побрел рядом с Витей.

— Будешь знать теперь, как хулиганить! — сказал Витя, когда они прошли уже квартал. — Стыдно, небось? В другой раз не захочешь…

Витя нарочно шел неторопливым шагом, с трудом удерживая около себя Буяна, который продолжал тянуться мордой к Петьке.

Петька молчал. От его самоуверенно-вызывающего вида не осталось и следа. Ногу палило, точно огнем, но эта боль была ничто по сравнению с муками, которые он испытывал, начиная думать о том, что ему предстоит. Родителям принесут штраф и его, конечно, не похвалят за «подвиги». А в училище… Только бы не исключили! Петька даже застонал. Чтоб он еще стал швыряться в эти проклятые фонари, — да пропади они пропадом!.. Ему смертельно хотелось улизнуть, чтобы избежать наказания, но улизнуть было невозможно. Опасаясь Буяна, он продолжал угрюмо следовать рядом с Витей.

Однако, кем же будет Буян? Санитаром или разведчиком? Неподкупным часовым на охране какого-нибудь государственного имущества или смелым связистом? Витя все еще не решил этот вопрос. Ему очень хотелось сделать из Буяна ищейку (у него такое хорошее чутье и к чужим он недоверчив), но это самый сложный вид дрессировки, и Сергей Александрович сказал, что пройти эту дрессировку можно только в условиях специальной школы-питомника розыскных собак.

Уже шла зима. Витя часто ходил с Буяном за город на лыжах. Обоим эти прогулки

доставляли много радости. Скрипит снег под лыжами, крепкий морозец румянит лицо. Встречные люди трут рукавицами носы. Но нашим друзьям и мороз нипочем! Выйдя за город, они спускаются к реке. С вершины высокого пригорка Витя стремглав скатывается вниз. Свистит ветер в ушах, позади с лаем догоняет Буян.

На середине реки, на твердом насте, Витя снимает лыжи, и приятели принимаются бегать взапуски: потом Буян хватает лыжную палку и тянет ее в одну сторону, Витя — в другую. Наконец, оба запыхавшиеся, возбужденные, бегут к противоположному берегу и углубляются в лесную чащу.

Красиво в лесу в морозный ясный день! Деревья стоят строгие, величественные, одетые в искристый пушистый иней — «куржак». Тронь его, и он осыплется холодными колючими иголками, мгновенно тающими на руке. Тишина вокруг — удивительная. Будто все уснуло в лесу. Каждый шорох, каждый слабый звук слышен чуть не за километр.

Вот здесь, у края большого луга, в начале зимы клуб служебного собаководства устроил однажды общественный показ работы дрессированных собак. Собралось много народу. Вите особенно запомнилась отличная работа одной собаки-санитара.

На ослепительно белой снеговой поляне показалась собака. Подпрыгивая время от времени на всех четырех лапах, чтобы лучше видеть, она быстро пересекла открытое пространство и скрылась в зарослях кустарника. Затем показалась опять. Бег ее замедлился. Она не просто бежала, она искала. Ее движения сделались порывистыми.

Однако в них не чувствовалось растерянности животного, потерявшего хозяина. Нет, это был поиск, тщательный, хорошо натренированный, в результате которого не оставалось ни одного необследованного кустика.

Затем она потерялась из поля зрения. Кто-то из зрителей негромко заметил: «Ну, убежала совсем. Теперь ищи ветра в поле».

Но вот собака вновь появилась на поляне. Она уже не задерживалась, чтобы подпрыгнуть и осмотреться по сторонам, не нюхала землю и воздух, а широкими плавными скачками спешила напрямик в обратном направлении. Верно, она отказалась от своих поисков?.. Нет! Просто она выполнила первую часть дела и теперь спешила исполнить остальное. Кожаная палочка-бринзель, недавно болтавшаяся у нее под шеей, сейчас была зажата в пасти. Это значило: она нашла. Кого? Белая повязка с красным крестом, надетая на животном, красноречиво свидетельствовала: найден раненый. И ему нужно оказать немедленную помощь.

Спустя минуту собака снова бежала к раненому. Но теперь она была на поводке: за нею бегом следовали санитары с носилками в руках. Тяжело раненный, получив своевременную медицинскую помощь, будет спасен.

Это воспоминание проносится в голове у мальчика в ту минуту, как он пересекает поляну.

Но вот и поляна осталась позади. Кругом сосны да ели с тяжелыми подушками снега на протянутых лапах-ветвях.

Кто-то серый, пушистый и легкий, как мотылек, бесшумно перепорхнул с одного дерева на другое. Белка! Вот она, проказница! Витя погнался за нею — нет, не поймать, а просто хоть увидеть еще раз. Он бежал, то и дело посматривая вверх. Вдруг носок лыжи ушел глубоко под корягу, Витя потерял равновесие, — трах! — и полетел носом в снег.

Стал подниматься и сразу почувствовал резкую боль в ноге; хотел шагнуть и чуть не закричал.

Витя ощупал ногу. Боль не давала двигаться.

Что же делать? До дому несколько километров, а он не может сделать и шагу…

— Что будем делать-то, а, Буйка?

Буян кружился вокруг хозяина с веселой мордой, махая хвостом. Глупый, не понимает,

что случилось.

— В лесу, Буйка, оставаться нельзя, — вслух рассуждал мальчик. — Замерзнем. И волки могут напасть или медведи…

Буяну надоело ждать, пока поднимется хозяин; он схватил зубами ремешок одной из лыж и стал дергать к себе, заигрывая с Витей, как бы приглашая его: «Чего сидишь? Вставай!..»

А что если… Нет, снег глубокий, будет проваливаться, у Буяна не хватит сил. Но ведь попытка не пытка, отчего не попробовать. Все равно другого выхода нет.

С минуту Витя размышлял, затем осторожно приподнялся. Буян перестал дергать лыжу и с ожиданием следил за ним.

Решено. Витя ляжет на лыжи, а Буян пускай тащит, — как на салазках. Но лыжи необходимо связать и сделать упряжь, чтобы Буян мог везти.

Витя снял с себя кушак, потом стянул ременный пояс, поддерживающий брюки. Можно пустить в дело и носовой платок. Платком он связал загнутые концы лыж, чтобы не расползались в разные стороны, а из кушака и ремня смастерил что-то вроде шлейки, которую на дрессировочной площадке надевали на караульных собак вместо ошейника, чтобы ремень не врезался в тело. Теперь Витя лег врастяжку на лыжи, сдвинул их под собой, крепко ухватился руками за самодельные постромки и приказал:

— Буян, вперед! — И добавил больше для себя, чем для собаки: — Поехали!

Буян поднатужился, попробовал дернуть в одну сторону, в другую, потом, понукаемый хозяином, потянул туда, куда смотрели носки лыж; лыжи со скрипом поползли по снегу. Везти было тяжело, но Буян старался изо всех сил. Медленно-медленно, оставляя за собой в снегу широкую борозду, они двигались по направлению к дому. Несколько раз Буян останавливался. Витя давал ему передохнуть, затем снова кричал:

— Буян, вперед! Вперед!

Начало смеркаться, — зимний день короток, а до дому еще далеко.

Буяну стало жарко. Он высунул язык, дышит часто и громко, ошейник врезался ему в шею, стесняет дыхание, и все-таки Буян тянет, тянет, увязая в снегу, тянет, сколько есть у него сил…

Вот, наконец, выбрались из леса… Пересекли поляну… Витя уже устал лежать, ему больно смотреть, как надрывается Буян. Так бы и вскочил и помог собаке… А впереди еще река и крутой подъем на тот берег.

Стало уже совсем темно и… немного страшно. Витя так напрягал зрение, всматриваясь в темноту, что даже стало больно глазам. Какие-то движущиеся огоньки замелькали впереди — один, другой, третий. Нет, это не огни города и не фары автомашин, да и какая может быть автомашина на снегу, в стороне от дороги. Огоньки разбрелись в разные стороны, потом собрались вместе, приближаются… Да это же ищут его, Витю; ну, конечно!

Папа и еще двое с фонарями идут по лыжному следу, проложенному Витей, и негромко переговариваются. Буян услышал голоса, рванулся вперед. Витя выпустил из рук постромки, и пес, разразившись радостным лаем, бросился навстречу старшему хозяину. Через полчаса все были дома.

Витю сразу уложили в постель. Мама так растревожилась, что даже забыла его пробрать. На поврежденную ногу наложили согревающий компресс, укутали в теплую шаль. Ничего, пройдет! Зато Буян сегодня герой. Впрочем, в первые минуты было не до него; все внимание — на Витю, а про Буяна забыли. Он улегся в своем уголке, положив голову на передние лапы, и наблюдал, как взрослые хлопотали около мальчика. Но потом, когда все волнения улеглись, его и ласкали, и печеньем пичкали, и называли всякими уменьшительными именами. А мама прямо заявила, что другой такой собаки во всем свете ищи, — не сыщешь!

После случая в лесу Витя несколько недель не расставался с мыслью о том, что сделает из Буяна санитарную собаку. Пусть Буян принесет пользу, когда случится война и надо будет спасать тяжело раненных на поле боя.

Но спустя некоторое время ему рассказали, что существуют собаки, натренированные для охраны зеленых насаждений. Вите очень живо рисовалось, как Буян будет нести такую службу. Уж не позволит сорвать ни одного цветка! Небось, проученный им Петька не забыл про историю с фонарями!

Однако ни санитаром, ни сторожем зеленых насаждений не суждено было сделаться Буяну.

Как-то в середине зимы, на общем собрании юных друзей обороны, начальник клуба зачитал сообщение о том, как одесская пионерка Таня Баранова вырастила восточноевропейскую овчарку Гильду, выдрессировала ее и затем написала письмо в Москву с просьбой принять Гильду в Советскую Армию. Теперь Гильда вместе с бойцами-пограничниками стережет границы нашего государства и уже задержала несколько нарушителей.

— Таня поступила как настоящий пионер-ленинец и советский патриот! — сказал Сергей Александрович, закончив читать.

Теперь Витя часто старался представить в своем воображении, какая из себя Таня Баранова, хорошо ли она учится, как она решилась отдать Гильду.

«Молодец Таня Баранова! — рассуждал он. — Правильно сделала. Надо всем так… Вот и я…»

Но при одной мысли, что нужно будет расстаться с Буяном, у него больно сжималось сердце.

Вечерами, перед сном, Витя подолгу ласкал Буяна и разговаривал с ним. Собака, положив тяжелую голову на край постели и зажмурив глаза, прислушивалась к негромкому голосу мальчика.

— На границу пойдешь, а, Буйка?-спрашивал Витя и, чувствуя, как сразу подступают слезы, поспешно отвечал себе: — Нет, невозможно. Даже Мурка, наверное, станет скучать без Буяна…

Однажды Витя, читая книгу о доблестных защитниках Родины — саперах, танкистах, артиллеристах, разведчиках, — наткнулся на рассказ о пограничной собаке, которая погибла вместе с проводником при отражении бандитского нападения из-за рубежа.

И вот тогда-то, наконец, определилась судьба Буяна.

Витя поделился своими мыслями с матерью. Он ждал, что она будет возражать, и приготовился доказывать ей, как это важно и необходимо, чтобы все пионеры поддерживали свою армию. Но мама неожиданно привлекла Витю к себе и ласково провела рукой по его голове.

— Мальчик мой дорогой!-растроганно сказала она. — Ты растешь настоящим патриотом, и это очень радует меня. Буян принадлежит тебе, ты его вырастил, ты с ним занимался, ты волен н распоряжаться им… Де-лай так, как подсказывает тебе твое сердце. Подумай, не будешь ли раскаиваться потом. Посоветуйся с папой…

— А жалеть не станешь? — вопросом на вопрос ответил папа. — Сделать недолго…

— Если все будут жалеть… — медленно произнес Витя и не договорил.

— Правильно. Я вижу, ты не напрасно носишь свой красный галстук. Поступай, как найдешь нужным. Хотя, конечно, Буяиа жалко…

Заручившись согласием родных, Витя переговорил с начальником клуба. Сергей

Александрович тоже одобрил намерение мальчика и дал адрес, куда следует направить заявление.

Вечером Витя сел за письмо. Он долго думал, писал, зачеркивал, снова писал. Ему хотелось выразить все свои чувства и мысли. Но написал он всего несколько строк:

«Уважаемый товарищ министр! Я вырастил собаку. Прошу, чтобы ее взяли на границу. Пусть она помогает славным пограничникам охранять нашу страну от врагов».

Потом подумал и приписал: «Извините за беспокойство. Вы ведь очень заняты, я знаю». — И ниже поставил свою подпись н адрес.

Письмо он вложил в конверт, а на конверте написал:

«Москва. Министерство Обороны СССР. Товарищу министру».

Утром, по дороге в школу, он опустил письмо в почтовый ящик и стал ждать ответа.

Ждать пришлось недолго. Дней через десять в дверь квартиры постучал человек в шинели и в фуражке с зеленым околышем. Увидев его, Витя замер: пограничник!

Витя не ошибся. Приехавший оказался пограничником. Откозыряв, он сказал, что прислан из погранотряда, чтобы осмотреть собаку. Он проверил у Буяна зубы, ноги, рост и написал в акте: «Собака по кличке Буян нормального роста, хорошей упитанности. Активная, смелая. Годна для службы на границе».

Наступил день Советской Армии. Накануне вечером, когда отец ушел на торжественное заседание в театр, Витя вытащил объемистую общую тетрадь в черном клеенчатом переплете, которую всегда тщательно прятал, и сел писать дневник.

«Сегодня я прощаюсь со своим Буяном. Завтра он уедет охранять границу. Мне очень тяжело. Я так люблю его. И он тоже привязан ко мне и к нашей семье. Мне очень жаль расставаться с ним, особенно сейчас, когда он стал таким большим, сильным и умным.

Он такой ласковый и не выносит грубого обращения. Лаской от него можно добиться чего угодно, но стоит его ударить, как он заупрямится и ни за что не выполнит приказания, даже если избить его до полусмерти. Это очень хорошая черта, по-моему.

Я долго думал перед тем, как послать письмо товарищу министру: писать или не писать? Потом решил: все-таки надо написать, надо расстаться с Буяном, он принесет больше пользы на границе, чем у меня. Может быть, мы и встретимся когда-нибудь. Узнает ли он меня?..»

Минула ночь. Утром Витя был молчалив и задумчив. Отец и мать обменивались понимающими взглядами и ни о чем его не спрашивали. В половине двенадцатого Витя надел на своего друга ошейник, прицепил поводок и в последний раз повел его.

На широкой площади собралось много народу. Лаяли собаки, которых удерживали за поводки пионеры. Отдельной группой стояли пограничники.

Ровно в двенадцать начальник клуба открыл коротенький митинг. Он сказал, для какой цели они собрались сегодня здесь, упомянул о значении и задачах служебного собаководства. Пионеры и пограничники молча стояли двумя шеренгами, одна против другой, на расстоянии нескольких шагов. Витя стоял как раз напротив того пограничника, который приходил к ним домой, и все время думал о Буяне.

Буян, конечно, не мог знать, что все это значит, но инстинкт подсказывал ему, что происходит что-то важное, н пес нервничал: то тесней прижимался к Вите, то порывался попрыгать на него, то давал лапу, хотя ее никто не просил. Витя осторожно дергал поводок, старался незаметно успокоить собаку, а у самого сжималось сердце и комок подступал к горлу.

Раздалась команда. Пионеры подтянулись, пограничники сделали по три шага вперед.

Поводок Буяна очутился в руке пограничника. Витя сделал шаг назад, а новый хозяин собаки заступил на его место.

Церемония кончилась. Витя смотрел, как уводили Буяна, как верный друг его все оглядывался назад, а вожатый осторожно подтаскивал упирающуюся овчарку вслед за собой. Увидев, что Витя уходит, пес попытался вырваться, но тщетно — проводник крепко держал поводок. И, словно, понимая, что сопротивление бесполезно, собака повесила голову и, тихо повизгивая, повлеклась за новым хозяином. Мелькнул в последний раз пушистый хвост, и Буян скрылся из глаз.

Обратно Витя шел вместе с начальником клуба. Сергей Александрович понимал душевное состояние мальчика и старался отвлечь его от грустных мыслей.

— Вырастишь другую собаку. Дадим тебе хорошего щенка, — говорил начальник, но Витя не слушал его. Возле своего переулка он попрощался и почти бегом поспешил домой.

Дома было пусто. Мама предусмотрительно убрала подстилку Буяна, на ее месте стоял стул. Вечером Витя не стал ужинать, торопливо разделся, юркнул под одеяло и тут дал волю душившим его рыданиям.

Прощай, Буян! Больше никогда Витя не пойдет в лес с Буяном, не увидит его радостных игр…

Но вскоре в душе мальчика поднялось какое-то новое чувство, чувство гордости и удовлетворения от сознания, что он сделал что-то очень хорошее, очень важное. Он перестал плакать и подумал о том, что, наверное, Буяну будет совсем неплохо там, куда повезет его пограничник, что собаку будут любить, как любил ее сам Витя. Он представил, какие подвиги может совершить Буян на границе, это окончательно успокоило мальчика, и он уснул.

ЗАЩИТНИКИ РОДНЫХ РУБЕЖЕЙ

Тяжелые капли дождя барабанят в окна заставы. В печной трубе тоскливо завывает ветер. На дворе — холодная дальневосточная осень.

Но в помещении для бойцов тепло и уютно. В красном уголке собрались свободные от нарядов пограничники. Они читают газеты. Застава стоит в стороне от дорог, и газеты приходят сразу за неделю толстой пачкой…

Газеты читаются вслух. Каждая статья вызывает оживленный обмен мнениями. Особенно волнуют сообщения о трудовых успехах земляков. На заставе есть и уральцы, и сибиряки, и волжане; можно встретить среди них колхозника и сталевара, тракториста и прославленного охотника-промысловика…

С напряженным вниманием слушают бойцы короткое сообщение о нападении басмаческой банды на нашу среднеазиатскую границу. Каждый ясно представляет картину: ночь, два пограничника и собака, нарушители, крадущиеся в непроглядной тьме… Да, картина знакомая!

— А у нас? Помните, как Корд задержал? — вспоминает один из бойцов. — Тоже ловко получилось!

Об этом случае известно не всем. На заставе есть молодые, недавно прибывшие бойцы. Среди них — Василий Пронин, вожатый сторожевой собаки Буяна. Он просит рассказать о Корде.

— Да что тут рассказывать?-с нарочитой небрежностью, которая еще больше возбуждает любопытство новичков, роняет плечистый, могучего сложения старшина Метелицын. — Знатное было дело! — Ив нескольких словах он сообщает о том, как Корд задержал нарушителя, который сумел перебраться через границу в самом глухом месте, однако далеко не ушел — собака напала на его след и помогла пограничникам выловить врага.

Если послушать старшину Метелицына, все представляется очень просто: ну, пошли, ну, нашли, ну, задержали… О чем еще говорить? Об опасностях и трудностях, подстерегающих пограничника? Так без них не бывает.

Но все равно, рассказ нравится Пронину, да и не только ему. Чего недостает в рассказе, то дорисовывает воображение.

— Ловко… вот ловко-то! — восклицает Пронин, а сам думает: «Всякая ли собака сумеет сделать так? Эх, если бы мой Буян…»

Он не успевает подумать, что должен сделать Буян, как в комнате появляется дежурный и громко объявляет:

— Товарищи, в наряд! Старшина Метелицын, с собакой — в дозор!

Великан Метелицын вскакивает, привычным движением заправляет на ходу гимнастерку, идет в угол, где висят шинели, затем — к пирамиде с оружием и скрывается за дверью. Вслед за ним покидают помещение и другие.

«Не мне, — думает Василий, — стало быть, еще ждать», — и незаметно вздыхает.

Первое боевое задание… Его всегда с волнением ждет молодой солдат.

Под дождем

Только вышли на свой участок — сразу наткнулись на свежий след. Послав напарника сообщить об этом на заставу, старшина Метелицын с Кордом пустился в преследование.

Шум дождя заглушает тяжелое дыхание Метелицына и его собаки. Сколько времени они уже бегут? Двадцать, а может быть, тридцать -километров остались позади.

Враг, вероятно, надеялся, что дождь поможет ему проскользнуть незамеченным, но от Корда не скроешься… Нагнув голову, собака бежит по следу нарушителя. Сзади, крепко ухватившись за конец длинного поводка, поспевает старшина.

Нарушители, — а их было несколько, — оказались хитрыми и изворотливыми. Путаными петлями переплетались следы: вот они выходят из леса на поляну, пересекают болотце, вновь поворачивают в сторону от границы… Еще петля — и следы исчезли, дождь смыл их. Корд поднял голову, насторожил уши. Влажная мочка носа жадно втягивает сырой воздух. Там, где теряются следы на земле, собака прибегает к «верховому чутью».

Корд-ветеран. Уже пятый год несет он службу на границе. Это громадный угрюмый пес, недоверчивый и злобный, нечувствительный ни к проливному таежному дождю, ни к переменам температуры. Перенесенные испытания выработали характер собаки, закалили ее. Много схваток с врагами пережил Корд. Немало захватывающего могла бы поведать собака, если бы умела говорить. Светлые пятна седых волос указывали на те места, где под мохнатой шубой скрывались рубцы от старых ран.

С первых дней своего появления на заставе Корд сделался любимцем погранотряда. Здесь любят и ценят смелых, мужественных людей, не отступающих перед опасностью; такие же требования предъявляют и к собаке — помощнику бойца. А Корд оказался именно таким. И хотя овчарка была неприветлива, не признавала ничью ласку, кроме ласки своего вожатого, каждый боец, при случае, обязательно старался выразить ей знак своего расположения.

Злобу Корд имел непомерную. Подозрительность, с которой он относился ко всему чужому, вошла на заставе в поговорку. Чутье и слух выделяли его среди других хороших овчарок. Все это, вместе с большим опытом работы по следу, приобретенным за время службы на границе, по праву делало Корда лучшей собакой на заставе.

Четыре с лишним года они неразлучны — Метелицын и Корд. Только одного Метелицына признает Корд, только ему одному повинуется, о нем об одном тоскует, когда того нет поблизости. Он был привязан к старшине, а старшина — к нему. Недаром, когда вышел срок действительной службы в армии, Метелицын остался на сверхсрочную. Легко ли расстаться с верным другом, когда столько испытаний пережито вместе? Жизнь на границе сурова, опасности подстерегают на каждом шагу, но, может быть, именно поэтому так дорога эта пядь советской земли, которую народ доверил охранять тебе.

И вот опять они, Метелицын и Корд, спешат по следам, чтобы задержать и обезвредить врагов своего государства.

Неприветливо в тайге, когда льет осенний затяжной дождь. Ни птиц, ни ярких цветов; лишь однообразный шум дождя да шорох опавших листьев под ногами…

На большой поляне, теряясь в непроходимой топи, прихотливо извивается ручей. Корд тянет к воде. Хитрят враги, думают сбить собаку со следа.

Пограничник спустил овчарку на всю длину поводка. Описав на месте круг, пес прыгнул в высокие заросли камыша и осоки, скрывавшие всю береговую линию. Отфыркиваясь он возится там, как будто ловит кого-то; через минуту он уже на берегу, по брюхо облепленный жирной болотной грязью. Корд снова торопится в глубь леса.

Старшина едва поспевает за собакой. Ага, что это чернеет там впереди? «Тихо, Корд, нет ли там людей?» Но Корд продолжает неудержимо тянуть вперед и лишь ненадолго задерживается около того предмета, который возбудил подозрение у пограничника. Это шалаш. В нем кучка еще теплой золы и углей. «Они были здесь недавно, — делает заключение старшина. — Очень хорошо. Значит, они не могли уйти далеко».

— След, Корд, след!

Корд не теряет ни одной секунды. Он беспокойно бегает вокруг шалаша, затем поворачивается к кустарнику и опять через заросли и болота ведет Метелицына по следам нарушителей.

Дождь не унимается. Метелицын промок до нитки. Тяжелой и пухлой стала шинель, вода хлюпает в сапогах. Корд трясет головой, плотно прижимает уши.

Равномерный шум падающей воды заглушает все звуки. Даже не слышно шелеста осенней листвы под ногами. Листья намокли и плотным рыжим ковром устлали землю.

Вдруг в глубине леса глухо ударил выстрел. Пограничник мгновенно упал, заставив прижаться к земле и собаку. С удивительной ловкостью и проворством, сжимая в руке винтовку, Метелицын пополз к ближайшему дереву, чтобы укрыться за его толстым стволом. Ясно, что стреляли в него. Пули звонко дзинькали над головой, срывая с ветвей последние пожелтевшие листочки, зарывались в толстый лиственный ковер на земле.

Несколько минут пограничник отлеживался у корней дерева, не высовываясь и стараясь по звуку определить, откуда стреляют. Затем осторожно, неслышным и как бы даже неуловимым движением он выдвинул винтовку вперед, прицелился. Выстрел, другой, третий… В лесной чаще трудно поймать на мушку человека. Однако Метелицын заметил: там, за кочкой, прятался один из врагов.

Корд лежал рядом с пограничником, тесно прижавшись к нему и свесив длинный дергающийся язык, от которого поднимался густой пар, прерывисто и часто дышал.

Левой рукой, не выпуская из правой винтовку, Метелицын отстегнул поводок и приказал тихо:

— Ползи!..

Корд, подтягиваясь на передних лапах и подбирая под •себя задние, проворно пополз в сторону, исчез в кустарнике. Выстрелы прекратились. Метелицын ждал.

Корд, не замеченный нарушителями, продолжал ползти. Он обходил их с тыла. Вот он уже недалеко от одного из врагов…

— Фасс! — раздалась команда.

Прыжок! Белые крепкие клыки впились в руку врага, заставив его выпустить оружие. Нарушитель вскочил, замахнулся свободной рукой на собаку. Грянул выстрел пограничника. Враг упал замертво.

Снова затрещали выстрелы. Враги целились в овчарку. Но она в два прыжка уже скрылась в зарослях.

Метелицын, меняя позицию, отполз к другому дереву. Он двигался совершенно неслышно. Мелькнул темный силуэт перебегавшего врага. Метелицын снова залег. Выстрел! Второй нарушитель мертвым скатился в топкую грязь.

Обветренное мужественное лицо пограничника сосредоточенно. Опытный и обстрелянный боец, за долгий срок службы на границе он привык к тому, что в любую минуту могла случиться вот такая погоня, перестрелка, внезапное ранение или даже смерть. И это не страшило его. Метелицын был уверен в своей ловкости и сметливости, в своей огромной физической силе, которая могла пригодиться, если дело дойдет до рукопашной. Старшина был готов на подвиг, вовсе не думая о нем.

Метелицын опасался одного: как бы не обошли его сзади. Но в этом случае он полагался на Корда, который всегда готов защитить старшину ценой собственной жизни.

Щелкнув затвором и потянувшись рукой к подсумку, пограничник обнаружил, что патроны кончаются. Неприятный холодок пробежал по спине. Но он сейчас же подавил в себе внезапно возникшее чувство острой тревоги и, умело маскируясь, припадая к земле всем своим крупным телом, осторожно пополз к убитому нарушителю.

Выстрелы участились, однако густые заросли и неровности почвы помогали Метелицыну осуществить его замыслы. Маузер убитого врага вскоре очутился в руках пограничника. Укрывшись за пнем, он снова стал стрелять, расчетливо расходуя каждый патрон. Из-за кустов донесся истошный крик. Еще одна пуля достигла цели.

Корд незаметно шнырял в чаще, готовясь к очередному нападению.

Вопль ужаса и злое рычание собаки возвестили, что пес настиг новую жертву. Стрельба прекратилась.

Метелицын слегка приподнялся. Выстрелов не последовало. В зарослях заливисто

залаял Корд. Пограничник, пригнувшись, подбежал к собаке. На земле валялись гаечные ключи, «лапы», применяемые для развинчивания рельсов, связка различных инструментов. Диверсанты шли с заданием разрушить железную дорогу и произвести крушение. Последний из них, оставшийся в живых, воспользовавшись перестрелкой, бросил инструменты и исчез в чаще.

Корд с пограничником снова кинулись по следам. Теперь преследование велось в обратном направлении, так как следы вели к границе. Нарушитель, видимо, отбросил мысль о диверсии и думал лишь об одном: как бы ему спастись бегством.

Вот и граница — неширокая полноводная река. Нарушитель находился уже на середине водного пространства, за которым начиналась чужая земля. Размашисто бая руками, он плыл к противоположному берегу.

Встав на одно колено, прямо с хода, не переводя духа, Метелицын прицелился, но выстрелить не успел. Его опередил Корд. Гигантским прыжком овчарка перелетела через прибрежные камыши, быстро доплыла до беглеца и схватила его за одежду.

Завязалась борьба. В воду погружалась то голова человека, то морда собаки. Каждый тянул в свою сторону. Овчарка впилась в руку врага. Тот дико закричал.

Крик оборвался: диверсант захлебнулся и пошел ко дну. Корд воспользовался этим: не выпуская своей добычи, он направился к берегу. Он плыл тяжело, то погружаясь, то выныривая: ноша тянула его вниз. Вот, наконец, и берег. Пограничник встречает своего верного помощника.

Нарушитель был жив, хотя сильно наглотался воды. К вечеру Метелицын доставил его на заставу.

Когда об этом происшествии стало известно личному составу погранпоста, молодой боец-первогодок Василий Пронин снова вздохнул втихомолку:

«Ведь вот же есть какие люди! Опять Метелицын с Кордом отличился! А когда мы с тобой, Буян?»

Собака, как будто понимая мысли вожатого, сочувственно виляла хвостом. Буян успел уже крепко привязаться к молодому пограничнику, на которого после первого хозяина — пионера Вити — перенес всю свою любовь.

В тумане

Шли дни. Дни складывались в недели, недели — в месяцы. Прибавлялось знаний у бойца-первогодка Пронина. Он исправно ходил в дозор. Сначала его посылали с более опытными товарищами, потом стали доверять самостоятельные задания.

Многому научился Пронин у старшины Метелицына. С Метелицына брали пример все молодые бойцы. Старшина охотно делился своими знаниями и опытом, подолгу объяснял, как следует делать то или другое, а потом снисходительно-покровительственно, но ничуть не обидно для собеседника добавлял: «А ты как думал?»

Пронин перенимал его приемы, старался приметить каждую мелочь. Не простое это было дело. Сибиряк Метелицын был прирожденным охотником: он с детства дышал воздухом тайги. Пронин же вырос в городе, до призыва в армию работал на крупном металлургическом заводе. Лесная наука ему давалась трудно. А без такой науки пограничник как без глаз. В лесу он должен чувствовать себя, как дома.

Поднялись птицы и кружатся над опушкой. Почему они поднялись? Кто их спугнул? Может быть, враг пришел из-за рубежа и прячется в чаще. Будь начеку!

Сердится белка на дереве, квохчет, как наседка. При тихой погоде ее слышно метров за двести. Почему она сердится? Бывает, что она ворчит так на человека.

Пошел в наряд — не забудь взять компас. Но и без компаса знай: растения тянутся к югу, с севера их больше сечет ветер; мхи и лишайники больше растут с подветренной стороны. Потерял компас — умей ориентироваться на местности по приметам.

Будь всегда наблюдателен; придирчиво, пытливо вникай в каждую, даже в самую неприметную деталь; искусство следопыта изучи лучше, чем знали его индейцы во времена Фенимора Купера: главное на границе — бдительность.

Большая наука, всего не перескажешь. Нужно изучать ее долго и терпеливо. И только когда узнаешь все до тонкости, только тогда можешь сказать с полным правом: я — пограничник!

И Пронин учился. Учился и Буян, по-своему, конечно.

Пионер Витя, вырастивший собаку и подаривший ее для пограничной службы, пожалуй, и не узнал бы теперь своего питомца. Зиму и лето Буян жил теперь в неотапливаемом помещении для сторожевых и розыскных собак, часами бывал на морозе в дозоре, часто вынужден был подолгу лежать на снегу. От этого он оброс длинной густой шерстью, которая изменила формы, сделала его крупнее, могуче, грубее. Что тренировки мальчика — детская забава! Однако не будь его тренировок, не получился бы из Буяна настоящий пограничный пес. Хорошую, крепкую воспитал Витя собаку, и за это Пронин всегда был благодарен ему.

Боец переписывался с прежним хозяином Буяна. Витя писал:

«Я взял нового щенка и хочу вырастить из него такую же хорошую собаку, как Буян. Я не забыл Буяна и по-прежнему люблю его. У нас в семье все помнят его. И ребята в школе тоже помнят. Они часто расспрашивают меня про него. Вы мне пишите чаще, товарищ Пронин. Я очень хотел бы познакомиться с вами лично и повидать Буяна. Узнает ли ои меня? Вы его любите, и он тоже будет вас любить».

Читая последние строки Витиного письма, Пронин не мог удержаться от улыбки. Да как же бойцу не любить своего боевого друга! Тут дело ясное.

Когда молодой боец прибыл на заставу, старшина, вручая ему собаку, сказал:

— Береги ее. Это твое лучшее оружие. И об опасности предупредит, и в трудную минуту поможет. И всегда на взводе. Как ружье, готовое выстрелить!

Гладя собаку, Пронин частенько повторял эти слова:

— Всегда на взводе… Ну, хорошо!

С наступлением зимы охранять границу стало трудно. Река замерзла, покрылась толстым льдом и перестала служить препятствием для диверсантов. Сильные морозы с туманами и слепящие глаза снежные метели порой закрывали границу сплошной белой завесой. В такие дни особенно напряженной жизнью жила застава.

Враг мог обрушиться каждую минуту. Он мог совершить нападение на заставу или же, невидимый в тумане, проскользнуть через рубеж и раствориться в огромной советской стране.

С удвоенным вниманием прислушивались к каждому шороху пограничники, сжимая в руках винтовки.

С каким-то особым чувством ответственности за порученное дело заступил сегодня Пронин на свой боевой пост на границе. Это и понятно: только вчера его приняли в комсомол. Вдвоем с товарищем Василий вышел в очередной дозор Теплые шапки-ушанки и бараньи тулупы, надетые поверх полушубков, надежно защищали пограничников от сорокаградусного мороза.

Второй пограничник свернул по ответвлению тропинки, а Пронин, придерживая Буяна за поводок, медленно шел вдоль рубежа, зорко поглядывая по сторонам. День клонился к вечеру, туман заметно густел, застывая инеем на лице.

Едва заметная дорожка, протоптанная пограничниками, спускалась в низину. Этот участок границы издавна считался самым безопасным. Низина была заболочена. Болото не замерзало даже в самые лютые морозы. Нарушителю тут не пройти.

Василий ускорил шаги. В своем громадном тулупе он казался необычно большим и неуклюжим; издали его можно было принять за медведя. Лицо от постоянного растирания рукавицей стало ярко-красным, а брови и ресницы обросли инеем.

«Кажется, сегодня опять будет все благополучно… — подумал боец. — Ну, что ж, оно и лучше».

«Порядок, Буянко!» — хотел сказать Василий, но, вспомнив, что на границе каждый звук может привести к неожиданным последствиям, только молча потрепал собаку по шее.

Буян вильнул хвостом, но головы не повернул. Он усиленно нюхал воздух. Внезапно он обнаружил признаки волнения. Шерсть на загривке и вдоль хребта взъерошилась, уши плотно прижались к затылку. Казалось, собака вот-вот бросится на кого-то. Рванувшись в сторону, пес потянул за собой вожатого.

Почва под ногами стала зыбкой, хотя болото покрывал толстый слой снега. Василий провалился раз, провалился два… Под ногами чмокнуло. Вытащив ногу из снега, он увидел, что валенок вымазан в густой черной жиже. Дальше идти было невозможно — начиналась топь.

Но Буян продолжал рваться вперед. Василий продвинулся еще на несколько шагов. За голенища набился снег, он медленно таял, неприятно холодил ноги.

Буян то и дело проваливался по брюхо в черную грязь. Вот, вскочив на кочку, пес задержался на минуту, пока Василий подтянулся к нему, и снова ринулся вперед.

Наклонившись, Пронин увидел на снегу какие-то странные следы. Они цепочкой тянулись из-за рубежа и уходили в глубь болота. Широкие, круглые, они напоминали следы рыси. Но рысь оставляет после себя небольшие овальные лунки, эти же были совершенно плоские, глубокие и непомерно большие. Можно было подумать, что тут прошел слон.

Пограничник размышлял, удерживая собаку около себя:

«Что-то не слыхать, чтобы слон водился в здешних местах… Это, конечно, не зверь: следы слишком большие. Значит, это — человек!.. Он нарушил границу и проник на советскую территорию».

Василий старался спокойно обдумать создавшееся положение. Затем, притянув бешено рвущуюся собаку, выбрался на тропинку. Смеркалось. Пока не стемнело, нужно было захватить нарушителя.

Скинув тулуп, чтобы было легче, пограничник бегом бросился по кромке болота в том направлении, куда уходили следы. Буян вприпрыжку бежал рядом.

Внезапно из тумана выросла человеческая фигура. Василий не успел свернуть в сторону, и с разбега они чуть не столкнулись друг с другом. В руке неизвестного мелькнул револьвер.

В то же мгновение в воздух беззвучно взвился Буян. Поводок от сильного рывка выскочил из рук пограничника. Буян ударил неизвестного в грудь, сбил с ног. Человек и собака, сцепившись, покатились по смежному насту. Револьвер вывалился и исчез в рыхлом снегу.

Оттащив собаку, Василий направил на задержанного винтовку и приказал встать.

В этот момент в стороне метнулась какая-то тень. Грянул выстрел. Пограничник тихо охнул и, схватившись рукой за бок, стал оседать на снег. Усилием воли он заставил себя приподняться и, превозмогая жгучую боль, не давая опомниться задержанному, связал ему ремнем руки. И тут он заметил на ногах у неизвестного какие-то нескладные приспособления, отдаленно напоминавшие круглые канадские лыжи. Эти приспособления помешали бежать нарушителю теперь, когда пограничник был ранен.

Буян, увязая в снегу и волоча за собой поводок, выскользнувший из рук вожатого, бросился за убегающей тенью и исчез, растворился в тумане.

Прошло несколько томительных минут, Василий еще туже стянул руки задержанного и успел рассмотреть его лицо. Это был уже немолодой человек, с острым хищным профилем; глубоко запавшие глаза его с ненавистью смотрели на пограничника. Даже вечерний сумрак не мог скрыть этого выражения. Выругавшись на незнакомом Василию языке, он пытался порвать путы, но, убедившись, что это бесполезно, затих и только сверлил пограничника ненавидящим взглядом, подстерегая каждое его движение и словно ожидая чего-то.

В тумане коротко, будто обломился сухой сучок, щелкнул револьверный выстрел. Заглушая проклятия человека, залилась бешеным лаем собака. Затем все стихло.

Через минуту послышался хруст снега. Из тумана медленно вышли человек и за ним — собака. Угрожающе рыча, Буян конвоировал задержанного. Нарушитель хромал и зажимал рукой рваную рану в плече,-

Сняв с Буяна поводок, Василий связал второго задержанного.

От потери крови у Пронина кружилась голова. Он зажимал рану локтем, надеясь этим уменьшить кровотечение. Рубашка и гимнастерка намокли от крови, горячие ручейки сбегали по бедру и голени в валенок.

«Сколько человек скрывается на болоте? — соображал Василий. — Сумеет ли справиться с ними Буян? Не застрелили бы собаку, гады! Какую штуку удумали — болотные ходули! А? На что хотели поймать! Не разберутся, мол...»

Не в силах бороться с охватившей его слабостью Василий сел на снег, широко раскинув ноги, чтобы не повалиться совсем, продолжая упрямо сжимать винтовку в окоченевших руках.

Враги, переглядываясь, с тайным злорадством следили за ним.

«Долго не продержаться»,- подумал Василий. Бок одеревенел, левая рука плохо слушалась. Мороз начал заползать под полушубок, в валенках образовался лед.

Послышался топот нескольких пар ног. Свои или чужие? Из последних сил пограничник вскинул винтовку на изготовку.

Свои!

Пограничники окружили раненого товарища, подняли его. Злорадные огоньки в глазах задержанных погасли

Вскоре из тумана снова появился Буян. Он тащил за руку очередного нарушителя. Прокушенную правую руку нарушитель зажимал подмышкой.

Сколько же их? Пограничники вслед за собакой спустились к болоту, однако топь не пустила дальше, и Буян снова ушел один.

Раздались крики, рычание, треск ломающихся веток. Через заиндевелый кустарник овчарка конвоировала еще одного преступника. Внезапно появляясь из тумана, Буян бросался на врага, прокусывал правую руку, обезвреживая таким образом противника. Если враг пытался защищаться левой рукой, Буян прокусывал и левую.

Пограничники оцепили низину, прислушиваясь к звукам, время от времени долетавшим к ним из тумана. Теперь мимо них не прошмыгнула бы незамеченной и мышь. Лай Буяна раздавался то в одном, то в другом конце болота. Границу нарушители перешли на специальных приспособлениях для ходьбы по топи, но в тумане они растеряли друг друга, и теперь собака поодиночке вылавливала их...

— Все, что ли? — недоумевали пограничники, когда, обнаружив четвертого нарушителя, Буян спокойно уселся возле своего вожатого, которого под руки поддерживали двое товарищей.

— Ищи! Фасс! -приказывал Василий, делая слабое движение головой в сторону болота.

Но Буян, умильно заглядывая в лицо своему хозяину, вилял хвостом, решительно отказываясь продолжать поиски.

— Выходит, все, — сказал старшина. — Собака не ошибется. Однако лишняя проверка не помешает.

Пограничники прицепили к ногам «подпорки», недавно служившие врагам, и, позвав за собой собаку, перекликаясь между собой, тщательно обследовали всю низину.

Но нет, собака не обманула: больше не было никого.

— Пошли! — скомандовал старшина. Овчарка вскочила и приготовилась конвоировать.

— Дьявол! — прошипел один из задержанных.

Схватка у Горячего ключа

В пять часов утра очередной дозор вышел в обход. На сопках и в ложбинах лежал глубокий снег, над головой, на черном небе ярко мерцали крупные звезды. Пограничники осторожно, чтобы не наткнуться в темноте на деревья, пробирались по густой чаще, раздвигая ветки. Они пересекали холмы и пологие возвышенности, поднимались на сопки, спускались в пади.

Где-то в районе Горячего ключа происходили систематические нарушения границы. Все попытки обнаружить нарушителя до сих пор ни к чему не привели. Нарушитель был неуловим.

Через кордон передавались тайные сведения. Нужно было этому помешать. Однако враг придумал такую хитрую уловку, что поставил в тупик даже самых опытных часовых границы.

Может быть враги имеют на нашей территории своего резидента, который использует почтовых голубей? Такие случаи бывали. Или где-нибудь у них спрятан радиопередатчик? Пограничники получили строжайший наказ следить за перелетом птиц через границу. Но тщетно! Ни один голубь не появлялся над рубежом. Не слышалось в эфире и позывных чужой радиостанции.

А нарушения границы продолжались.

Наиболее подозрительным считался участок у Горячего ключа — глухое, дикое и самое удаленное от погранпоста место. Лишь под осень приезжали туда пограничники, косили густую траву в логу, ставили высокие стога сена, которые стояли до весны.

Охрана участка у Горячего ключа поручалась самым опытным пограничникам. С некоторых пор эту почетную вахту несли старшина Иван Метелицын и недавно произведенный в младшие сержанты Василий Пронин, который недавно вернулся из госпиталя и снова вступил в строй. Каждого сопровождал второй пограничник — подчасок.

В эту ночь две группы пограничников совершали очередной обход участка. С одной стороны шла группа Метелицына с Кордом, с другой — группа Пронина с Буяном.

У Горячего ключа они сошлись. Результат обхода — тот же, что вчера, что несколько дней назад: ничего подозрительного не обнаружено. На снегу — чуть заметный след волка, пересекший границу и уже припорошенный снежком, и все. Конечно, и о волке будет упомянуто в очередном донесении, однако волки были не редкостью в это время года и не они интересовали пограничников.

Черной стеной стоял лес. Из мрака ночи смутно выступали огромные, мрачные силуэты сосен. Они протягивали длинные узловатые лапы ветвей, на которых лежали пушистые охапки снега. Ветви образовали почти сплошной свод над головой и укрыли глубокую лощину, по дну которой струился Горячий ключ, не покрывавшийся льдом даже в самые суровые морозы. От него поднимался пар. Растекаясь по лощине, пар сообщал всем окружающим предметам какую-то призрачность очертаний, как будто и этот молчаливый лес, и эта речка, текущая в обледенелых изломанных берегах, вот-вот поднимутся вверх и растают, как мираж.

В ночной тишине слышалось лишь мелодичное журчание воды да порой с сухим шуршанием осыпался снег с ветвей.

Переговорив вполголоса, пограничники уже собирались разойтись, когда обе собаки начали проявлять признаки беспокойства. Они рыли снег и, натягивая поводки, громко втягивали ноздрями воздух. Снег был свежий, выпавший лишь накануне; на нем еще нельзя было найти ни одного следа мелких зверей и птиц. Он прикрыл и все старые следы, оставленные обитателями леса. Но не будут собаки беспокоиться зря! Пограничники внимательно осмотрели местность и при свете карманных фонариков обнаружили под свежей порошей два слабых отпечатка человеческой ноги. Но странно: следы были обращены носками в разные стороны. Можно было подумать, что это разные следы и ведут они в противоположные направления.

Пограничники посоветовались. Метелицын, почти на голову возвышавшийся над остальными, предложил двоим пограничникам подняться вверх по лощине, куда указывал носок одного следа, двоим — направиться в обратную сторону.

Так и сделали. Предполагая, что нарушитель уже углубился на нашу территорию и, стало быть, это направление более важное, Метелицын решил обследовать его сам. Пронин с товарищем и Буяном пошли к границе

Сначала они подвигались спокойным быстрым шагом, чутко прислушиваясь к шорохам. Буян, казалось, забыл о найденном запахе и лишь время от времени нюхал по привычке снег.

Но вот Василий почувствовал, что поводок натянулся сильнее, — собака тащила вожатого за собой. Она не лаяла, — лаять ей не полагалось, — а только громко дышала и рвалась вперед. Отпустив поводок на всю длину, Пронин ускорил шаг, затем побежал. Подчасок бежал за ним.

Так пробежали они около километра. Внезапно Буян остановился и, тревожно фыркая, закружился на одном месте. Пограничники засветили фонарики. Снег был сильно истоптан, дальше, расходясь в разные стороны, тянулись две цепочки следов. Одну, несомненно, оставили человеческие ноги, другая… была следом волка; видимо, того самого волка, который час или два назад пересек границу.

«Вот так задача!» — подумал Василий, изучая следы.

— Вперед! — И они побежали по человеческим следам.

Бежать пришлось недалеко. Буян вдруг остановился, шерсть на нем встала дыбом, в глотке заклокотало сдавленное рычание. По опушке леса кралась человеческая тень.

— Стой!

Щелкнул затвор. Человек оглянулся и, как ужаленный, отскочил за деревья.

Пронин спустил собаку с поводка. «Фасс!» В несколько прыжков Буян достиг леса н с хода вскочил на спину убегавшего. Вскрикнув от страха и выхватив из-за пазухи нож, нарушитель пытался сбросить собаку, но Буян опередил его. Ловко извернувшись, он с силой рванул врага за кисть руки. Нож вывалился, неизвестный скорчился от острой боли. Подоспевшие пограничники связали его.

Но что с Буяном? Напрасно Василий командовал: «Фу!» — собака не слушалась. Она садилась и тотчас вскакивала, жадно обнюхивала задержанного.

И вдруг, сделав широкий круг по поляне, Буян пустился прочь.

— Ко мне, Буян! Ко мне! — звал Василий.

Тщетно! Собака птицей мелькнула за деревьями и растаяла в предрассветной синеве.

Это было так не похоже на послушного, дисциплинированного Буяна. Только какой-то очень сильный раздражитель мог заставить его отказаться повиноваться вожатому.

— Доставьте задержанного на заставу! — крикнул Пронин своему подчаску и побежал за овчаркой.

Однако уже через несколько минут Василий понял, что догнать Буяна он не сможет. Тем не менее, он продолжал погоню, время от времени выкрикивая:

— Буян! Ко мне! Ко мне!

Сколько продолжалась эта погоня, час или два? — Василий не мог сказать, он потерял ощущение времени. Пот со лба солеными ручейками стекал по лицу. Рубаха и гимнастерка намокли и прилипли к телу.

Пронин сбросил тулуп, потом полушубок. К утру мороз усилился, но пограничник не замечал этого.

Ночь кончилась, начало светать. На снегу появились искристые синеватые тени.

Пограничник бежал уже несколько часов по глубокому снегу, ныряя в пади, взбираясь на косогоры. Грудь его высоко вздымалась, учащенное дыхание со свистом и хрипом вырывалось из широко раскрытого рта. Он шатался, винтовка казалась ему непомерно тяжелой. Проваливаясь, Пронин с трудом вытаскивал ноги. Но в мозгу сверлило одно: «Догнать! Если не догнать, собака может погибнуть, ей не управиться одной…»

Внезапно он остановился. При бледном свете нарождающегося дня Василий увидел на снегу отчетливые отпечатки лап двух собак. Один след был размеренный, спокойный — собака шла на рыси; второй — торопливый, неровный, видимо, след Буяна, спешившего догнать прошедшую впереди собаку.

Василий отер рукавом пот с лица. Отбросив со лба прилипшие волосы, побежал дальше. Неожиданное открытие придало ему силы. Буян гнался за собакой! Вот почему пес так долго обнюхивал нарушителя и, не слушая отзыва вожатого, бросился к лесу. Только острое чутье собаки могло открыть присутствие необыкновенного диверсанта. Теперь многое становилось понятным.

Василий бежал уже из последних сил. Валенки мешали ему. Он сел, быстро стащил их с ног и побежал дальше в одних толстых шерстяных носках.

Теперь становилось ясно: тот след, который пограничники обнаружили при обходе участка в первый раз, был не волчий, а собачий, и эта собака пришла из-за рубежа. В лощине, где был сильно истоптан снег, ее ждал человек, пришедший с верховьев Горячего ключа,- вражеский агент, укрывающийся где-то на советской территории. Потом собака и человек некоторое время двигались вместе. Человек, по-видимому, вложил в портдепешник собаки шпионское донесение и после этого они расстались. Собака побежала в сторону границы, а шпион возвращался обратно…

Вот чем объясняется неуловимость нарушителя границы! Шпионы использовали для своих целей собаку. Человек не пересекал пограничного рубежа и даже не приближался к запретной черте, а собака переходила рубеж незамеченной, и ее след долгое время принимали за волчий.

И теперь собака-нарушитель опять несла за границу вражеские донесения.

Вот и граница. На запорошенной снегом поляне полосатый пограничный знак. У столба журчит в полынье незамерзающая речка Здесь Горячий ключ уходит на территорию соседней страны.

Но что это?.. Под столбом, у кромки льда, что-то чернеет, слабо шевелится… Снег кругом примят, истоптан, забрызган кровью. На снегу два тела. Два врага сплелись в смертельном объятии — Буян и другая овчарка, более крупная и мощная. Буян еще борется, но видно, что силы неравны.

Буян настиг чужую собаку у самого пограничного знака. Громадный черный пес с сильными конечностями и массивной угловатой головой неторопливо приближался к месту своей обычной переправы через речку, чтобы уйти на ту сторону, к своим хозяевам. Он хорошо изучил этот Путь и выполнял свою обязанность обстоятельно и равнодушно, как ремесленник выполняет ежедневную надоевшую и скучную работу.

Еще минута, и он оказался бы за пределами досягаемости. Буян вовремя атаковал его. Но, намереваясь сбить врага с ног, впиться клыками ему в горло и задушить, Буян недооценил силу противника. В то мгновение, когда Буян, как вихрь, налетел на черного пса, тот преобразился. В какую-то долю секунды, с быстротой и ловкостью, которые трудно было предполагать по его виду, он успел отскочить в сторону; Буян ударил в пустоту, а чужая собака, обернувшись, подмяла под себя Буяна. Началась страшная схватка у Горячего ключа, которую долго потом вспоминали на заставе.

На стороне Буяна была ловкость, подвижность, молодость; черный пес превосходил его грубой силой, знанием приемов борьбы, несокрушимым упорством и выдержкой старого бойца. Борьба была жестокой и долгой. Буян нанес врагу множество ран, но черный выждал подходящий момент, и беспощадные челюсти сомкнулись на плече пограничной собаки.

Напрасно Буян старался сбросить врага. Он волочил его по земле, метался и рвался, — все было тщетно. Черный висел на нем. Буян стал уставать. Он попал в железный капкан. А черный, используя каждый удобный момент, как делают это бульдоги, медленно жевал, постепенно подбираясь к горлу противника.

Да, это был опытный и хладнокровный убийца. Он не торопился, не старался ускорить развязку; он предпочитал действовать наверняка, зная, что жертве не уйти от него.

Силы Буяна заметно убывали, в мозг закрадывался ужас. Он начал понимать, что без помощи ему не вырваться из этих тисков.

Пронин сразу сообразил, что грозит Буяну. Напрягая остатки сил, пограничник бежал напрямик по склону холма, полого спускавшегося к речке. Он был уже недалеко, как вдруг что-то затрещало под ногами, и Василий с ужасом почувствовал, что куда-то валится… Пронин попал в старую медвежью яму. Со страшной силой он ударился боком о что-то твердое, — тем самым боком, который три месяца назад пробила пуля диверсанта. Острая боль пронзила его и, вскрикнув, он потерял сознание.

Пока разыгрывались эти события, Метелицын также успел уйти довольно далеко. Время от времени с помощью Корда, он находил следы, говорившие о том, что краем лощины недавно прошел человек, и вначале чувствовал себя вполне уверенно.

Однако уверенность постепенно стала оставлять старшину. Осветив фонариком очередной отпечаток человеческой ноги, к которому подвел его Корд, он долго обследовал снег, встав на колени и что-то медленно соображая, и чем дольше это делал, тем больше хмурилось лицо старшины.

Странное дело: почему след больше вдавлен не в носке, а в пятке? Размышляя над этой загадкой, Метелицын прошел еще с полкилометра, потом остановился и хлопнул себя по лбу.

— Мы не в ту сторону идем! — заявил он товарищу.

— Почему не в ту? — изумился тот.

— Видишь след? — повел Метелицын лучиком фонаря у себя под ногами.-А ну, шагни… Где больше вдавлено — в носке? А здесь почему наоборот? Мы идем не за ним, а от него… У нарушителя на ногах были надеты колодки. Понял? Чтобы сбить нас с толку. Надо идти обратно.

И он уверенно зашагал назад.

Теперь Метелицын не тратил времени на отыскивание и разглядывание следов, а торопился как можно быстрее прийти к тому месту, где они расстались с группой Пронина.

Немного не доходя до этого места, они встретились с пограничником, который вел на заставу задержанного. Коротко отрапортовав старшине, конвойный двинулся дальше, а Метелицын со своей группой направился по следам Пронина и Буяна.

Метелицын торопился. Какая-то неясная тревога с каждым шагом все больше охватывала, его. Почему убежал Буян? Собака сделала это неспроста. Старшина ждал, что вот-вот за сугробами послышится собачий лай, человеческие голоса или, на худой конец, звуки близкой перестрелки, и через минуту он увидит Пронина. Но время шло, Метелицын уже успел отмерить немалое расстояние, а никто не появлялся, царила тишина.

Что-то зачернело впереди на снегу. Метелицын ускорил шаг. Это был тулуп. Корд обнюхал его и поднял вопросительный взгляд на старшину. Еще дальше Метелицын нашел полушубок. Эти находки окончательно встревожили его.

Рядом, то пропадая за деревьями, то вновь приближаясь, негромко журчал в заснеженных берегах Горячий ключ. Путь Буяна и Пронина пролегал параллельно его течению. Это навело Метелицына на новую мысль.

Почему они идут вдоль речки, не делая попыток переправиться через нее и поскорей

выйти к границе? Ведь совершенно очевидно, что преследуемый заинтересован в этом.

И тут он сделал то открытие, которое так взволновало Пронина. Впереди бежала не одна собака, а две. Буян гнался за четвероногим нарушителем!

Однако почему собака предпочитала делать громадный крюк, вместо того чтобы поскорей убраться восвояси? Метелицын задумался. Противоположный берег был крут; скалы и лесная чаща делали его малодоступным. Кроме того, чтобы попасть туда, надо переплыть речку, а в такой мороз купание едва ли могло быть приятно собаке. Стало быть, она искала переправу.

Прослеживая в памяти береговую линию противоположной стороны, Метелицын мысленно дошел до пограничного знака и решил, что собака бежит туда. Там она может беспрепятственно переправиться на другой берег. У пограничного столба речка сильно суживалась, русло ее было загромождено камнями, и там собака действительно могла переправиться на другую сторону, не замочив лапы.

Это была очень важная догадка. Теперь можно было не бежать, петляя вдоль речки, следуя всем ее изгибам, а сразу направиться к предполагаемой переправе. Метелицын так и сделал. Он знал потаенную тропинку, которой пользовались пограничники, обследуя этот участок. Свернув в сторону от следов, он двинулся по кратчайшему пути.

Метелицын надеялся поспеть к погранзнаку раньше собаки и отрезать ей путь к отступлению. Рассветало. Метелицын шагал уверенно, порой ускоряя шаг до бега. Поднявшись на поросшую редким леском возвышенность, он увидел полосатый погранзнак, казавшийся издали не толще спички. Что-то темнело около него. Метелицын, что есть духу, побежал под уклон, не отрываясь напряженным взглядом от черного предмета у самой воды. Корд яростно рвался с поводка. Метелицын на бегу отстегнул карабин и пустил собаку. Овчарка пулей полетела вниз по откосу. Метелицын догадался: на снегу в мертвой схватке застыли две собаки.

Буян почти не сопротивлялся: начиналась агония. Он лежал на боку, бессильно дергая лапами и порой вздрагивая всем телом; глаза его вышли из орбит, язык вывалился из пасти. Черный убийца душил его, придавив всей своей тяжестью.

Бесшумно, легкими и стремительными прыжками к месту кровавой схватки

приближался Корд. Будто молния, пересек он открытое пространство и с хода вонзил клыки в тело вражеской собаки. Рывок был настолько силен, что черного подбросило, как электрическим током. Челюсти его разжались.

В ту же секунду Корд снова возник над ним. Он повернулся так резко, что проехался на лапах несколько метров и когти оставили на льду глубокие борозды. Черный не успел даже приготовиться к бою. Он только показал свои желтые клыки, а Корд вновь ударил его со всей силой, на какую был способен. Черный взлетел на воздух и, разбрызгивая воду, тяжело плюхнулся на камни в русле Горячего ключа.

Когда подоспевшие пограничники вытащили черную собаку из воды, она уже расставалась с жизнью. Корд переломил ей хребет.

Пронин, обессиленный тщетными попытками выбраться из глубокой медвежьей ямы, ждал теперь, когда очередь дойдет до него.

Руки и ноги его закоченели, бок нестерпимо саднило. Василий слышал приглушенные голоса пограничников, яростное рычание собаки и понял — пришли товарищи, они выручат. Он несколько раз позвал на помощь. Пограничники вытащили друга, помогли добраться до заставы.

Так окончилась схватка у Горячего ключа и так была раскрыта подлая уловка врагов, использовавших в своих преступных замыслах верного друга человека — собаку.

Читателя, конечно, интересует: а как же Буян? Читатель хочет знать о судьбе своего героя. Неужели чужая собака нанесла Буяну смертельные раны, от которых он уже не смог оправиться?..

Не тревожься, мой юный друг. Буян остался жив. Раны его закрылись, и он еще долго нес службу на границе.

Хочется сказать в заключение:

Мой дорогой читатель! Где бы ты ни жил и сколько бы лет отроду тебе ни было, помни: в ту минуту, когда ты читаешь эту книгу, тысячи отважных сыновей Родины — героев-пограничников несут бессменную вахту на рубежах Советской страны. Они несут ее днем и ночью, осенью и зимой, в жару и лютый холод, в горах Памира и в ледяном Заполярье, на Камчатке, на Сахалине, на Курильских островах, у берегов Черного моря. Они несут ее всегда. И в этом тяжелом, но благородном и героическом деле им самоотверженно помогают наши верные друзья — розыскные и сторожевые собаки.

МАЛЫШ

Короткий ноябрьский день погас. К ночи вновь поднялась злая, холодная поземка. Резкие порывы ветра сотрясали оголенные ветви кустов и деревьев, с протяжным завыванием проносились по широкому пространству, занося снегом небольшие темные бугорки — трупы убитых, остовы искаженных и сожженных танков. С сухим шуршанием в окоп посыпалась колючая снежная крупа.

Вечером, когда наступило недолгое затишье и солдаты получили, наконец, передышку для еды и сна, рядовой Миронов, большой охотник до разных новостей и слухов, сказал, обращаясь к своему соседу, молчаливому и замкнутому бронебойщику Двинянинову:

— Слыхал? В четвертую роту собак привели. Сказывают, и нам скоро дадут…

Тимофей Двинянинов — человек солидный, положительный, с практическим крестьянским умом и неторопливыми движениями, которые, однако, в нужную минуту сочетались у него с большой быстротой действий, отозвался не сразу. С некоторых пор он все события и факты расценивал только с точки зрения их значения для успешного хода войны. И сейчас по свойственной ему привычке он сначала попытался мысленно прикинуть, какую практическую ценность могло иметь сообщенное Мироновым известие, для чего нужны собаки в окопах, и лишь после этого безразлично, даже как бы нехотя, низким басом, слегка охрипшим от постоянного пребывания на морозе, осведомился:

— На что они тут понадобились?

— Танки, слышь, взрывать будут.

— Это как же? Гранатами, что ль?-заинтересовался молоденький боец, сидевший со своим котелком в двух шагах от них.

— Вот этого не знаю. Так, стало быть, обучены.

Двинянинов не спеша опустошил котелок, обтер усы и, спрятав ложку в мешок, принялся скручивать махорочную папироску.

«Тут люди воюют, а он о собаках…» — равнодушно подумал Тимофей, ощущая в себе ту тяжелую усталость, какая бывает после боя.

Пятый месяц идет война. Пятый месяц советские люди грудью защищают свое Отечество. Двинянииов уже потерял счет дням, проведенным в окопе. На полях Подмосковья идет величайшее сражение — битва за Москву. Не унимаются фрицы, не прекращаются ожесточенные атаки. Только ночью немного и передохнешь. Но и ночью непрерывно вспыхивают по горизонту орудийные зарницы и далекий тяжкий гул сотрясает стенки окопов.

Сегодня опять целый день лезли танки, за танками бежала пехота. Волна атакующих то отхлынет, то накатится вновь. Бой продолжался от рассвета до потемок.

Двинянинов сидел в своем тесном, выдвинутом вперед окопчике и ждал, когда танки подойдут ближе, чтобы вернее пробить броню. amp;apos;Вокруг него стреляли, рвались снаряды и мины, а он сидел и ждал, и это ожидание было тягостнее всего.

Потом начала гулко хлопать и его бронебойка.

Первая пуля, посланная им, угодила в покатый выступ лобовой брони и не пробила, а только чиркнула по ней, выбив желтую искру. Он принялся целиться старательнее прежнего, принуждая себя не торопиться и не думать о том, что могут убить. Танк, обходя воронку, сделанную снарядом, стал разворачиваться. Двинянинов отчетливо увидел черные, с желтой каемкой, кресты на его броне, большую жирную свастику, похожую на паука, и тут ему удалось угостить непрошенного пришельца несколькими удачными, одно за другим, попаданиями. Сначала он повредил ходовую часть, потом пробил бак с горючим. Громыхающее, плюющее огнем и железом чудовище окуталось густым черным дымом и остановилось, мотор заглох. Из люка стали выскакивать танкисты и тут же падали, сраженные насмерть.

Пока Двинянинов возился с этим танком, из-за кустарника, росшего по краям пригорка, неожиданно выдвинулся другой.

Двинянинов поспешно перенес прицел на него, но тотчас понял: «Поздно. Не успеть!» И действительно, времени оставалось ровно столько, чтобы успеть врастяжку лечь на дно окопа, тесно прижавшись к глиняной стенке и притиснув к себе ружье.

Страшно лязгая и скрежеща гусеницами, танк навалился на окоп. Обдало запахом бензина и отработанных газов; окоп наполнился удушливым синим дымом, потемнело, стало трудно дышать.

Внезапно снова сделалось светло: танк перевалил через окоп и пополз дальше. Чувствуя, как бешено колотится сердце, Двинянинов вскочил и схватился за гранаты. Его опередили другие бойцы. Уползающую гадину забросали бутылками с зажигательной смесью. Синие язычки побежали по броне, и вскоре весь танк был объят пламенем. Пехоту, бежавшую за танками, отсекли огнем из винтовок и автоматов; частью истребили, частью заставили залечь.

Наконец, бой закончился. Уцелевшие гитлеровцы отошли на исходные рубежи. Наступила тишина, прерываемая лишь одиночными выстрелами, да в воздухе еще долго носился запах гари, пороховых газов и еще чего-то, что у Двинянинова непременно связывалось с мыслями о войне, об убитых и раненых товарищах.

С наступлением темноты немцы стали бросать осветительные ракеты. Они взвивались в вышину, прочертив по темному небу огненный след, и медленно снижались, заливая землю мертвым холодным светом, отчего небо казалось черным, а земля — затаившейся, притихшей, скрывающей смертельную угрозу…

Настало время короткого чуткого отдыха. Обладая крепкими нервами и завидным здоровьем, Двинянинов обычно засыпал сразу же, как выдавалась для этого подходящая минута; но сегодня ему не спалось. Невдалеке чернела покосившаяся обгорелая громада танка с разбитыми гусеницами и опущенным вниз стволом пушки; рядом — трупы немецких танкистов. Их уже начало заносить снегом.

Плотнее запахнувшись в теплый полушубок, Двинянинов полусидел-полулежал в глубокой нише, вырытой в земле, готовый по первому сигналу тревоги вскочить и припасть к прикладу своего тяжелого, напоминающего старинную фузею, ружья. При колеблющемся свете ракет лицо бронебойщика, сосредоточенно-суровое, будто высеченное из желтовато-розового камня, с крепко сжатым ртом и нахмуренными бровями, то с необычайной резкостью возникало из мрака, то вновь пропадало во тьме.

Тимофей все еще остро переживал тот страшный момент, когда немецкий танк своим железным брюхом наехал на его окоп. Трудно забыть ощущение полной беспомощности и мгновенно охватившего отчуждения, — как будто ты уже перестал жить!-которое пришлось изведать в ту минуту…

«Что уж тут собакой сделаешь. Ежели пушка-другое дело…» — рассуждал он, мысленно обращаясь к Миронову.

Слух, сообщенный Мироновым, подтвердился. На переднем крае действительно появились собаки, предназначенные для борьбы с вражескими танками.

Снова был бой. Снова, как вчера, как много дней назад, гитлеровцы двинули вперед танки, позади бежала пехота. И вот в самый напряженный момент, когда танки уже приблизились, от окопов вдруг отделились два движущихся пятна и устремились навстречу громыхающим чудовищам. Двинянинов, поймав их взглядом из своего окопчика, не сразу сообразил, что это собаки, а поняв, невольно на какое-то время забыл про все остальное: настолько непривычно и неожиданно было зрелище Неравного поединка.

При мысли, что такие козявки отваживаются вступать в единоборство с танком, у него перехватило дыхание. Глаза, не отрываясь, следили за двумя существами, которые,

вероятно, даже не сознавая, что делают, спешили навстречу верной гибели. Он рассмотрел, что на спине у каждой было что-то привязано.

Одна собака вскоре ткнулась в снег и не поднялась больше, но другая продолжала бежать торопливой рысью.

Вот она уже в мертвом пространстве, где ее не могут задеть пули танкового пулемета; вот-под самым танком…

Внезапно сноп огня вылетел из-под гусениц танка; грозная железная громадина подскочила, потом грузно осела и стала разваливаться на составные части. Далеко в сторону откатилось колесо-каток, порванная гусеница, извиваясь, точно змея, пролетела по воздуху и распласталась на снегу; силой взрыва сорвало башню, движущаяся крепость перестала существовать.

После боя только и было разговоров, что об этом событии. Еще никто никогда не видал, чтобы собака могла уничтожить танк. А тут на глазах у всех: раз-и нет танка! Гитлеровцам, наверное, и в голову не могло прийти, что в образе этой животины сама смерть движется на них… Сожалели об одном: что вместе с танком погибла и собака.

А к вечеру того же дня собаки -появились в расположении роты Двинянинова.

Бронебойщика вызвали к командиру. Направляясь в блиндаж, Двинянинов пробирался по длинному извилистому окопу и вдруг прямо перед собой увидел некрупную черно-пегую мохнатую собаку. Дружелюбно озираясь на сидевших в укрытиях бойцов, она неторопливо бежала по узкому проходу. Позади, удерживая ее за поводок, шел молодой незнакомый боец; за ними — еще одна собака и второй вожатый.

Двинянинов посторонился и пропустил их. Солдаты провожали животных веселыми шутками; у каждого при виде собак, столь неожиданно очутившихся вместе с ними в окопе, невольно появлялась улыбка.

Командир отделения предупредил бронебойщика:

— К нам собак прислали, танки взрывать… Видел, наверно. Так ты не подстрели случаем… — И добавил, улыбнувшись: — Тебе, значит, помощники…

Для собак, — а их было четыре, — отвели отдельную землянку позади линий окопов, куда вел ход сообщения, вырытый в земле. Там они и поселились со своими вожатыми-молодыми общительными ребятами-в ожидании своего часа.

Случилось так, что вслед за их прибытием на фронте установилось затишье, гитлеровцы прекратили атаки, и бойцы шутили, показывая на землянку, откуда порой доносился собачий лай:

— Уж не их ли испугались?!

Собаки внесли неожиданное разнообразие в жизнь переднего края. К землянке началось настоящее паломничество. Шли и несли гостинцы: кто кусок сала, кто выловленную из ротного котла жирную мозговую кость, кто распечатанную банку консервов… Что-то неуловимо мирное, домашнее, о чем всегда тоскует душа солдата, вошло в суровый фронтовой быт. Хоть и не понимает собака человеческую речь, а все равно приятно сказать ей ласковое слово, посидеть подле нее, выкурить папиросу-другую и, запустив пальцы в мягкую собачью шерсть, ощущая тепло живого тела, унестись мыслями далеко-далеко, туда, где ждет солдата семья, а на дворе лает такой же вот Шарик или Жучка…

Это рождало и новую тоску, и новую ненависть; тоску — по дому и родным местам, ненависть — к врагу.

Двинянинов сделался частым гостем у собак-противотанкистов. Собаки охотно принимали ласку и угощение, и это добродушие как-то странно не вязалось с их опасной профессией. Двинянинов для каждой припасал кусочек лакомства, но особенно полюбилась ему одна, та самая, которую он увидел первой: черно-пегая, в меру рослая, с живыми, умными глазами, похожими на две черные бусинки, и с приветливым нравом. Звали ее Малыш.

Это была самая обыкновенная дворняжка, каких тысячи бегают по улицам городов и сел. Пушистый, загнутый на спину хвост, лисья мордочка и полустоячие уши говорили о том, что она состоит в родстве с лайкой; с тем же успехом в ней можно было обнаружить крови овчарки в других собак. Еще каких-нибудь три-четыре месяца назад Малыш бегал свободно по улицам родного города, рылся на помойках, дрался с другими такими же бродяжками. Он мог бежать за куском лакомства хоть несколько километров, не пугаясь шума, грохота, выстрелов, ловко преодолевая все препятствия и проявляя изумительные энергию и настойчивость. И это решило его судьбу. Он сделался противотанковой собакой.

Эта гибельная специальность родилась в дни войны. В самый трудный период, когда противник имел временное превосходство в технике и, пользуясь этим превосходством, рвался в глубь советской страны, наши собаководы предложили применить для борьбы с танками обученных собак.

Собаки-противотанкисты являлись самоубийцами. Они взрывали неприятельские танки ценой собственной жизни. Каждая из них несла на спине груз взрывчатки, которая, ломая на куски железную громадину, одновременно убивала и собаку. Щадя породистых животных, в подразделения противотанкистов обычно направляли полукровных или совсем беспородных собак.

Если в прошлой своей жизни дворняжки не пользовались вниманием, являлись париями собачьего мира, то теперь их обреченность в корне изменила отношение к ним.

Конечно, жаль посылать собаку на верную смерть- даже дворняжку; но что сделаешь…

Вряд ли обо всех особенностях службы собак-противотанкистов думали бойцы пехотинцы, угощавшие от чистого сердца прибывших к ним животных. Во всяком случае не этим были заняты мысли Тимофея Двинянинова, когда он угощал Малыша.

— Кушай-ко… — добродушно, с характерным уральским выговором на «о» басил он, положив перед собакой очередной гостинец.

— Ты ее, дядя, не перекорми, а то она на танк не побежит, — серьезно говорил молоденький сержант, проводник Малыша.

— А что она голодная-то на него пойдет,- так же серьезно возражал бронебойщик, внимательно следя за уничтожавшей лакомство собакой, словно хотел знать в этом вопросе ее мнение. Сам же он рассуждал обыкновенно, по солдатски: на сытый желудок и воевать веселее!

Большой интерес возбудили к себе собаки у весельчака и балагура Миронова. Никто не донимал так бесконечными расспросами вожатых, как Миронов.

— А против броневика можно ее пустить? — спрашивал он, и на его круглом, слегка

тронутом рябинками, румяном лице возникало выражение детского любопытства и ожидания.

— Если научить — можно.

— А против пушки? — не унимался Миронов.

— И против пушки можно. Только к ней подойти будет труднее…

Миронов умолкал, но ненадолго.

— А учить долго надо? — через минуту справлялся он, хмуря белесые брови, словно решая трудную арифметическую задачу.

— Это какая собака…

Двинянинов не принимал участия в этих разговорах. Молча, он покуривал папиросу-самокрутку; сдержанная полуулыбка освещала лицо бронебойщика, а мысли в эту минуту уносились далеко от фронта, на уральскую реку Вишеру.

Суровый и замкнутый с виду, Тимофей Двинянинов в действительности обладал доброй и мягкой душой. Он тосковал по мирной жизни, по мирной работе, хотя никогда не высказывал своих чувств. Это не помешало ему,- а может быть, даже помогло, — в короткий срок подбить три немецких танка и быть всегда исполнительным и стойким бойцом.

Дома, на Вишере, у Двинянинова — жена, красавица-дочь на выданье, сынишка двенадцати лет. Старший сын, призванный в действующую армию, как и отец, сражается где-то на фронте; Тимофей время от времени получает от него весточки по полевой почте. Дома осталась хорошая двухстволка, купленная несколько лет назад в магазине «Охотсоюза» в Чердыни; дома, наконец, ждала лайка

Белка, отличная зверовая собака, которую только кликни и она побежит за тобой в тайгу. Вот Белку-то и напоминал Тимофею безродный черно-пегий Малыш.

Правда, Белка — вся белая, лишь около ушей серые пятнышки, и вообще она чистокровная промысловая лайка; а Малыш всего только походил на лайку, но то, чего ему не доставало до настоящей лайки, дополняло воображение бронебойщика. От Малыша мысли его тянулись к крепкой пятистенной избе на крутом берегу быстрой порожистой Вишеры, к знакомой до каждого бревнышка лесной деревеньке, где все — Двиняниновы…

Прошло несколько дней, и между Двиняниновым и Малышом установилась тесная дружба. Малыш еще издали чуял приближение бронебойщика и встречал его радостным повизгиванием, прыжками, бесконечным вилянием мохнатого хвоста.

У Тимофея Двинянинова были свои причины любить собак. Собака спасла ему жизнь.

Однажды зимой, в погоне за росомахой, хитрым, увертливым зверем, который нередко уводит охотника за много километров от дома, Тимофей зашел на лыжах далеко в тайгу; зимний день короток — решил заночевать у костра. Белка была с ним.

Ночью поднялся сильный ветер. Бурей свалило громадную сухостойную ель. Тяжелое дерево придавило спящего охотника, как могильной плитой, погребло его под собой.

Сколько не бился Тимофей — не мог освободиться. Одна нога была сломана, он потерял много крови. Попал, как в капкан. Пропадать в тайге!..

Вот тут-то Белка и показала свой ум. Она долго крутилась около беспомощного хозяина, скребла когтями мерзлую землю, пытаясь помочь ему, с жалобным повизгиванием лизала его в лицо. Понимала, что попал в беду… Но что может сделать собака, если бессилен человек? Оказалось — может…

Инстинкт подсказал ей, как следует поступить. Оставив хозяина, она пустилась прочь. Сперва Тимофей решил, что она зачуяла зверя и по своей ловчей привычке не удержалась от преследования; но собака долго не возвращалась; не слышалось и ее лая,

которым она обычно давала знать, что нашла добычу… Куда она? Тимофей ума не мог приложить, что сделалось с лайкой.

Прошел час, прошло два часа — собака не возвращалась. И вдруг, когда охотник был готов подумать, что она покинула его, послышались голоса людей, поскрипывание снега под лыжами, звонкий собачий лай, — к нему спешила помощь. Оказалось — Белка направилась прямехонько домой, подняла там тревогу и привела людей на выручку хозяина.

И вот теперь, сидя в землянке близ переднего края, поглаживая жесткой рукой мягкую собачью шерсть, Тимофей вспоминал и это памятное событие, и многое другое. Перед глазами возникала таинственно-молчаливая зимняя тайга: вот он берет ружье, надевает лыжи и отправляется на промысел. Ровный прямой след ложится позади. Белка то умчится вперед, то возвратится к хозяину. Легко и привольно дышит грудь…

— Э-эх, Малыш, — вздыхая, задумчиво говорил в такие минуты Двинянинов, — пошли бы мы с тобой в тайгу. И Белка, само собой, с нами… Охота там у нас — знатная!..

Он умолкал, поскольку не привык говорить много, а Малыш смотрел в глаза человеку добрым сочувствующим взглядом, лизал руку, словно понимал.

— Э, дядя, совсем расчувствуешь собаку, — замечал вожатый Малыша, почему-то с первого дня называвший бронебойщика не иначе, как «дядя».

— А тебе уж не жалко ли? — басил тот.

— Не жалко, а непорядок, — говорил вожатый с подчеркнутой строгостью, но, впрочем, не мешал.

Малыш, прислушиваясь к их речам, ластился то к одному, то к другому, поблескивая черными бусинками глаз и виляя хвостом, выпрашивал подачку или ласку, а получив одно либо другое, а то и все зараз, блаженно замирал… Где ему знать, что никакого урмана ему не видать, что люди давно произнесли над ним свой приговор.

Недолгое затишье сменилось новым яростным натиском гитлеровцев. Передышка была нужна противнику для того, чтобы перегруппировать свои силы и подтянуть свежие резервы.

Сначала, решив прощупать советскую оборону, они послали десяток танков, которые, появившись от черневшего на горизонте леса, медленно приближались рассыпным строем, время от времени останавливаясь и стреляя.

В окопах был дан приказ: без команды не стрелять, подпустить танки ближе, чтобы поразить вернее.

С напряженным ожиданием советские бойцы следили за приближением вражеских танков. Пора бы уж открывать огонь. Но лейтенант молчит, не отрывая взгляда от приближающегося врага.

Танки-ближе, ближе… Поглощенные созерцанием наступающего противника, бойцы не заметили, как в окопах появились собаки. Вожатые привели их по ходу сообщения. Четвероногие бойцы были в боевой готовности; каждая с небольшим тючком на спине.

Внезапно все увидели их. Четыре собаки, раскинувшись веером на снегу, мчались навстречу головным танкам. Двинянинов сразу узнал черно-пегого Малыша, и сердце его болезненно сжалось.

— Смотри, смотри! — переговаривались в окопах.

Из танков тоже заметили животных и открыли огонь. Но трудно попасть из танка в такую небольшую и быстро передвигающуюся мишень…

Собаки уже пересекли половину пространства; еще минуту и… Но что это? Танки один

за другим быстро разворачиваются; их пушки уже не смотрят вперед, а обращены назад; они прибавляют ходу… Они уходят! Уходят!

Это было так неожиданно и удивительно: танки — эти грозные самодвижущиеся крепости, вооруженные пушками и пулеметами, испугались собак! Есть от чего прийти в изумление.

Кто-то не выдержал и крикнул: «Ура-а!» Крик этот подхватила сотня голосов. Громкий и страшный для врага клич разнесся над окопами и словно подстегнул убегающие танки, заставив их увеличить скорость.

Раздался резкий переливчатый свисток-приказ собакам вернуться. Три из них повиновались немедленно; только одна пробежала еще десяток метров, затем, как бы нехотя, повернулась и направилась на призывавший ее свист. Двинянинов с блеском радости в глазах следил за тем, как Малыш достиг окопа и, целый, невредимый, бодро помахивая пушистым хвостом, спрыгнул вниз; за ним попрыгали в окоп остальные три собаки.

— Дела!-обсуждали вечером солдаты дневное событие.- Испугались собак, а? Чудеса! Вот так вояки!

Минутами Двинянинову казалось, что всякая опасность миновала и теперь уже ничто не грозит Малышу. Сам не замечая того, он связал с Малышом все свои думы о мирной жизни, о доме; Малыш уцелел, и Двинянинов был счастлив. По-видимому, нечто вроде этого испытывали и вожатые, потому что старались, всячески обласкать собак. В действительности все случившееся было для Малыша и его трех товарок всего лишь небольшой отсрочкой.

В тот же час на следующий день на позиции советских войск обрушился ливень огня и металла. После артиллерийской подготовки гитлеровцы снова пошли в атаку. На этот раз из леса двинулось одновременно не меньше сотни танков; за ними, пригибаясь, бежала пехота. Словно черная туча растянулась до края горизонта. По наступающим открыла огонь противотанковая артиллерия. Вспыхнул один танк, другой, третий…

Горячий, смертельный бой закипел по всей линии советской обороны. С привычным самообладанием Двинянинов ждал, когда сможет вступить в дело и его бронебойка, которую за отличную «работу» бойцы называли «золотым ружьем».

Танки приближались. Уже отчетливо видны черные кресты — эмблема фашистского насилия над миром; короткие рыльца пушек непрерывно исторгают желтые языки пламени.

Два танка двигались прямо на Двинянинова. Тщательно целясь, он стал стрелять. Пули забарабанили по броне неприятельской машины; Тимофею удалось поджечь ее. Но только он хотел перенести огонь на второй танк, как сильный разрыв мины на минуту оглушил его, засыпал землей. Когда Двинянинов очнулся и протер глаза, вторая вражеская машина была уже недалеко от него, а бронебойка лежала разбитая вдребезги.

Двинянинов тревожно оглянулся. И вдруг увидел: вожатый Малыша готовит собаку к атаке на танки. Подняв собаку на бруствер окопа, он что-то скомандовал ей, что именно — Двинянинов не расслышал, да это и не имело значения. Три другие собаки уже стлались по земле в стремлении скорей достичь цели, ловко обходя воронки и рытвины, бесстрашно лавируя на поле смерти, под свист пуль и грохот разрывов.

Два столба пламени взметнулись одновременно, два взрыва потрясли воздух, и два вражеских танка перестали существовать, подорванные четвероногими защитниками рубежа. Третья собака была убита шальным попаданием. Однако и мертвую уцелевшие танки тщательно обходили, ибо и мертвая она была опасна для них.

Все это автоматически отметила зрительная память Двинянинова, как и то, что Малыш был еще жив и продолжал бежать. Его черно-пегая прыгающая фигурка, становившаяся по мере удаления меньше и меньше, быстро сближалась с целью.

Но что это? Малыш остановился, сделал несколько неуверенных шагов в одну сторону, в другую и недвижимым комочком застыл на снегу. Лежит. Убит? Ранен? А танки приближаются, они уже совсем близко…

Внезапно над полуразрушенным бруствером поднялась невысокая коренастая фигура в солдатском полушубке. Это был Миронов. Занеся руки над головой, он кричал, — его голос потонул в шуме боя, и скорее сердцем, чем слухом, Двинянинов уловил: «За Родину!» Мелькнуло искаженное в крике лицо товарища. В следующий миг Миронов перепрыгнул бруствер и со связкой гранат в высоко поднятой руке метнулся навстречу танкам.

Он пробежал половину расстояния, необходимого для броска, когда пуля сразила его,- Миронов упал. И тогда Двинянинов, — он сам не помнил, как это произошло, — полный яростного стремления отомстить за товарища, тоже очутился в поле, он быстро полз с тяжелой противотанковой гранатой в руке. Ближний танк двигался прямо на него. Но Двинянинов, хотя и не находился теперь под защитой окопа, не боялся его. Пусть смерть — зато не пройдут фашистские танки! Он сам бросится под ближний из них, чтобы взрывом гранат взметнуть врагов на воздух!

Но он не успел привести свой замысел в исполнение. Черная точка на снегу ожила. Малыш полз на несколько десятков метров впереди Двинянинова. Раненый, истекающий кровью, с оторванной челюстью, на месте которой дергался кровавый язык, пес стремился исполнить свой долг. И прежде чем Двинянинов успел понять это, Малыш исчез из поля зрения, слившись с танком…

Тяжкий раскат рванул воздух; на этот раз он показался Двиняиинову особенно сильным;

внутри у бронебойщика словно что-то оборвалось…

Схватив винтовку, Двинянинов принялся с ожесточением стрелять по мечущимся среди горящих танков грязно-зеленым фигуркам.

Бой закончился. Еще одна атака фашистов сорвалась, еще один выигранный день приблизил советский народ к победе.

Снова наступило короткое затишье.

В узкий прорез бруствера Двинянинов долго смотрел на то место, где чернели остатки танка, взорванного Малышом, как бы ожидая, что, может быть, вот-вот там зашевелится что-то живое, выберется из-под бесформенного нагромождения обломков обгорелого танка, отряхнется и побежит назад к окопу… Но ничего этого не могло быть. Только синеватый дымок медленно тянулся к небу над грудой почерневшего металла.

ЕГО ГЛАЗА

Темно, всегда темно… Можете ли вы, у кого глаза видят, понять состояние человека, лишившегося зрения, обреченного постоянно быть в темноте, постоянно напрягать слух, осязание, чтобы хоть этим в какой-то мере возместить потерянное?

Ночь, отныне и до конца дней — всегда ночь…

Для всех других утро сменяется днем, за днем приходит вечер; заходит солнце, на небе поднимается луна, зажгутся звезды, в домах и на улицах вспыхнут электрические лампочки. Для всех других, но не для Дмитрия… Сколько на свете, разных цветов: красные, белые, фиолетовые, желтые; трава — зеленая, а небо — голубое…

Небо! Какую силу, какую радость испытывал Дмитрий, когда взмывал на стремительной машине в голубой, бескрайний простор, когда кувыркался там вместе со своим другом — самолетом, ощущая его, как живое, трепетное существо.

Небо. … Никогда больше не увидит он неба, не поднимется ввысь! Об этом ли думать ему, слепому инвалиду, которому даже по земле двигаться трудно?

Конечно, всякий, увидев слепого, растерянно остановившегося на перекрестке, протянет руку и поможет перейти на другую сторону улицы. Но от этого на душе Дмитрия становится еще тяжелей. Лишнее напоминание о беспомощности…

Лучше уж не испытывать того мучительного чувства, какое охватило его вчера, когда какая-то старушка помогла ему добраться до дома… Старушка самостоятельнее, чем он, тридцатилетний, здоровый мужчина! Здоровый,- если бы не глаза…

Лучше сидеть дома, меньше двигаться.

Большую часть времени проводил Дмитрий дома, сидя в легком плетеном кресле. В памяти всплывало прошлое и чаще всего тот день, когда случилось непоправимое.

Летчики-истребители поднялись по сигналу тревоги с полевого аэродрома, укрытого зеленью берез и осин.

Большая группа бомбардировщиков противника шла бомбить город и важный узел дорог. Истребители перехватили врага. Завязался бой. Это был один из последних, крупных воздушных боев, когда гитлеровцы еще пытались вернуть утраченное превосходство в воздухе. С той и другой стороны — большое количество машин, с той и другой стороны — упорное желание добиться победы. Воздушное сражение разгорелось сразу на нескольких высотах.

Ринуться из-за облака на врага, молниеносным ударом разметать строй машин неприятеля, не давая ему опомниться, бить, бить, бить — это было излюбленным приемом старшего лейтенанта Дмитрия Алексеевича Трубицына. Подстать ему были и летчики его звена.

«Юнкере», которого Трубицын избрал себе мишенью, тотчас задымил и отвернул в сторону. Оставляя за собой густой черный шлейф дыма, он устремился к земле, и, ударившись о нее, взорвался.

В самый разгар боя Трубицын увидел, что довольно многочисленная группа «юнкерсов», отколовшись от остальных, хочет ускользнуть незамеченной. Он понял их маневр: гитлеровцы хотели отклониться от курса, чтобы проникнуть к цели, избежав схватки. Дмитрий бросился в погоню за «юнкерсами» и скоро догнал их.

Фашисты огрызались из пулеметов и пушек, а он кружил и кружил над ними, угощая их свинцовыми гостинцами то справа, то слева. Наконец, ему удалось зайти в хвост одному из «юнкерсов». Поймав его в перекрестие прицела, Трубицын нажал спуск, но выстрелов не последовало: кончились боеприпасы.

В это мгновение, прошитый пулеметной очередью, вспыхнул самолет Дмитрия. «Что делать?» — пронеслась мысль. Вернуться на аэродром Трубицын уже не мог. А «юнкерсы» продолжали рваться на восток.

«Выброситься с парашютом?» Но Трубицын тотчас отогнал эту мысль. Холодная решимость овладела им: атаковать, сбить еще хотя бы одного! Нет боеприпасов, но есть последнее оружие, есть таран!

Руки послушно направили самолет на громадную тушу ближайшего «юнкерса». Как-то внезапно она приблизилась, выросла до чудовищно огромных размеров, закрыв собой все вокруг… Удар!

От сотрясения Трубицын едва не потерял сознание. Раздался скрежет, треск ломающихся лонжеронов. «Юнкере» рассыпался на части.

Струя пламени ударила в лицо, обожгла, едва не заставив закричать от боли; затем все провалилось куда-то.

Как он выбросился из кабины, как ему удалось отделиться от падавшего в смертельном штопоре самолета, раскрыть парашют и приземлиться, — этого Дмитрий не помнил

Трубицына подобрали колхозники. У него были повреждены ноги и опалено лицо. В госпитале ему долго не снимали повязку с лица, а когда, наконец, сняли, он не увидел дневного света, не увидел ничего, кроме какого-то тусклого мерцания.

И вот он, летчик, любивший быстроту, стремительность, вынужден теперь передвигаться маленькими шажками, останавливаться поминутно и, протягивая вперед руку, палкой ощупывать себе дорогу… Нет, лучше сидеть на месте, совсем не выходить из квартиры.

Он сидит на веранде. Мать ушла на работу, а за тонкой дощатой перегородкой слышны оживленные голоса: жизнь идет своим порядком.

По голосам Дмитрий узнает, кто говорит. Вот тоненький, торопливый, иногда не договаривающий окончаний слов, — это голос Тали, младшей дочери соседей. Трубицын помнит ее, еще когда она была совсем маленькой. Кажется, давно ли все это было? А теперь Таля уже учится в школе, ходит в балетный класс.

Все соседи переживали, когда Трубицын вернулся из госпиталя слепым. Никто не высказывал соболезнований вслух, но Дмитрий чувствовал, что его жалеют, стараются всячески помочь ему. А девочки Таля и Лара заботились **о** нем, как о родном. Стоит только позвать их-бросят любое занятие, прибегут тотчас же, сделают все, что бы только ни попросил.

Однажды, месяца через два после того, как Дмитрий вернулся домой, к нему пришла Таля со своей школьной подружкой.

— Мы — тимуровки, мы будем помогать вам, — важно объяснила Таля. — Хотите, дядя Дима, я почитаю вам книгу?

— Почитай.

Девочки сели. Таля раскрыла книгу, которую принесла с собой, и принялась за чтение, старательно делая остановки на всех запятых и точках.

«Что она читает? Ах да, это же «Как закалялась сталь!» — Дмитрий едва заметно усмехнулся. — А в общем послушать не мешает».

Слушал Трубицын долго. Потом сказал устало:

— Идите, девочки. Вам ведь надо учить уроки…

Разговоры об уроках Дмитрий слышит каждый день.

Он знает, по какому предмету спрашивали Талю вчера, чем она будет заниматься завтра. Сегодня девочка особенно усердно учит географию. Наверное, должны спросить. Вот пришел с работы отец, Таля повторяет ему выученное.

— Горы Карпаты…- звенит ее голосок. — Чуть-чуть они наши, а больше заграничные.

Уральские горы. Они горы длинные-предлинные, но… ну, не высокие! Не такие, как Альпы!

«А с самолета горы совсем не выглядят высокими»,- думает Дмитрий.

За стеной слышен быстрый топот каблучков: пришла Лара, сестра Тали. Лара — круглая отличница, любит математику. Девочки зовут ее «профессором».

Таля целый день поет, тараторит. У Лары не выжмешь лишнего слова. Лара аккуратистка, Тале постоянно достается от нее. Вот и сейчас: только успела поздороваться — и уже началось.

— Ты опять мою ручку взяла? Отдай!

— Я показывать ею буду. Я не поломаю!

— Отдай, знаю я тебя!

Спор прекращает отец. Таля снова принимается за географию.

— Алтайские горы…- бойко начинает она и спотыкается. — Я не знаю, высокие они или нет, но очень красивые. Ты, папа, сам рассказывал. Склоны покрыты лесами…

— Все спешишь, все спешишь, — говорит отец. — Ты бы у Лары хоть терпения позаимствовала.

— Она зубрит, а я не люблю!

— И вовсе я не зубрю! — негодует Лара. — Поменьше бы в зеркало смотрелась!

— А вот и буду! Не указывай.

— Перестаньте…

Прежде такие размолвки нередко перерастали в ссору, сестры подолгу дулись одна на другую, не разговаривали. Но с некоторых пор девочки стали дружнее. Очевидно общая забота сблизила сестер: у них появился щенок — озорной, с коротким хвостиком и нелепой кличкой «Тип-топ». «Движимое имущество», — говорил о нем отец девочек.

Действительно — «движимое»! Носится по квартире, суется всем под ноги. Кот Потап не знает, куда спрятаться от озорника. Зато девочки от щенка — без ума! Водят его на прогулку, визжат от восторга, если он принесет палочку или щепку. Обе записались в кружок собаководов и теперь аккуратно посещают его.

Особенно любит щенка Таля. Она и кличку ему придумала. Она же первая повадилась ежедневно приходить к Дмитрию и обязательно приводить с собой мохнатого воспитанника.

Придя со щенком первый раз, она тотчас же подсунула щенка Трубицыну.

— Дядя Дима, посмотрите, какой он хороший…

Дмитрий положил руку на голову собаки, провел ладонью по шее и спине… Какая жесткая шерсть! Курчавая, как у овечки, и жесткая… Хвостик — будто кочерыжка и непрерывно дергается туда-сюда… Очевидно, ради приятного знакомства! Рука снова вернулась на голову щенка, ощупала морду, тронула холодную и влажную мочку носа, попыталась почесать под нижней челюстью и — опять удивление: борода! Бородатый пес! Везде шерсть сравнительно небольшая, а тут, под челюстью, висит пучком, длинная и волнистая. И усы тоже есть… Занятная скотинка!

— Какой он породы?

— Это эрдель-терьер! — с гордостью объявила Таля.-Он знаете какой, дядя Дима? Он, где хотите, дорогу найдет! Нигде не заблудится.

— Уж будто!-усомнился Дмитрий.

— Ну, вот вы не верите, а я вам правду говорю! — В голосе девочки звучала обида.

— Да верю, верю… отчего ж… А какой масти твой пес?

— Сверку он черный, а снизу рыжий, — с готовностью принялась рассказывать Таля. — Чепрачный, одним словом. Так нам в кружке объяснили. У него очень развит ориентировочный инстинкт…

«Смотри, какие мудреные слова знает: «ориентировочный инстинкт», «чепрачный»…-усмехнулся Дмитрий.

А тот, о ком шла речь, успел уже облизать летчику одну руку, добрался до другой… Общительный собакевич!

С того раза Таля часто стала приходить в гости се своим четвероногим дружком.

— Вы должны его любить, дядя Дима.» — серьезно говорила она.

— Да я его и так люблю, девочка!

— Он очень, очень хороший. Он скоро совсем привыкнет к вам, дядя Дима…

Идет время. Подрастает Типтоп. Сегодня снова разговор за стенкой.

— Ну, давай, Потапка, будем уроки учить!

Сказано коту, но предназначается матери, которая частенько ворчит на младшую дочь: слишком много внимания уделяет она собаке и кошке.

Шелест бумаги — раскрыт учебник.

— Закон Архимеда. «Тело, погруженное в жидкость…»

Дмитрий думает: «А ну, попробую я — забыл или не забыл? Тело, погруженное в жидкость, теряет в своем весе столько, сколько весит вода в объеме… Не забыл. А если закон Паскаля?»

Шевеля беззвучно губами, летчик без запинки повторяет и этот физический закон.

Физику он помнит. Ну, а если что-нибудь посложнее, сопротивление материалов, например? Он напрягает память, стараясь поймать себя на каком-нибудь трудном вопросе, но память работает безотказно… Смотри-ка, ведь не забыл, хотя прошло столько лет!

Он был студентом, ушел на фронт добровольцем, а летать научился еще до армии-в аэроклубе Осоавиахима. И сейчас Дмитрий часто думает об институте, вспоминает актовый зал, куда они, первокурсники, входили с волнением. Ведь в этом зале вручались дипломы окончившим! Вспоминает товарищей, профессоров…

За стенкой снова начинается возня: Типтоп наскакивает на Потапа. Собака рычит и лает, а кот шипит, распушив, наверное, хвост.

— Да ну вас! — кричит Таля.-Опять из-за вас тройку получу!

Дмитрий не слышит, что происходит за стенкой. Мысли его поглощены институтом. Не первый раз думает он об этом. Хватит ли сил, выдержки? Трудно, очень трудно решиться…

Институт находился на другом конце города, и Дмитрий долго добирался туда. В институте встретили Дмитрия радушно, подбодрили, обещали поддержку. Все было бы хорошо, если бы не дорога туда и обратно: постукивание палочкой, чтобы не оступиться, скованность движений, настороженность при переходе через улицу — ие идет ли автомашина или трамвай, — все это действовало на нервы, утомляло.

Вернувшись из института, Дмитрий в изнеможении лег на кровать. Нет! Так невозможно! Тратить столько времени, столько сил. Исчезло приподнятое настроение. Снова закралось в душу сомнение: а по силам ли тебе это дело? Выдержишь ли?

— Дядя Дима, вы не спите? Можно к вам?

Пришли девочки. Не одна и не две. По голосам Дмитрий подсчитал: четверо. Таля, Лара и две их подруги.

Две девочки-старшеклассницы с любопытством разглядывали рослого человека, одетого в форму летчика, но без погон. Трубицын не снимал форму даже дома: это было последнее, что связывало его с прежней жизнью, с авиацией. Форма придавала ему мужественный вид, и если бы не синие очки, скрывавшие глаза, то Дмитрий и впрямь мог сойти за летчика, приехавшего из армии на побывку. Но стоило Трубицыну подняться, и он оказывался совершенно беспомощным. Неуверенная походка, протянутая в пустоту рука. Все это так не вязалось с его наружностью!

— Что скажете, девочки?

— Ваша мама сказала нам, что вы поступаете в институт, — тихо заговорила Лара. — Можно мы будем помогать вам?

— Это каким же образом?

— Очень просто. Мы будем приходить к вам и читать вслух учебники.

— Много же вам придется читать!

По тону его голоса нельзя было понять: рад он или недоволен, и, чтобы убедить его, Лара выпалила единым духом все, что думала, готовясь к этому разговору.

— Это ничего, дядя Дима. Нас четверо! Леля, Ксеня, Таля и я… Каждая будет читать по часу в день. Это же четыре часа! А нам совсем не трудно… Вы не возражаете, дядя Дима? А потом мы вам достанем… есть такие книги… — Она чуть не сказала «для слепых», но вовремя остановила себя. — По ним пальцами водишь, а там шишечки, и получаются слова… Нам сказали, что и учебники такие тоже есть… Мы будем шефствовать над вами… Хорошо, дядя Дима?

Трубицын молчал. Он не знал, что ответить. Пожалуй, он впервые слышал от Лары

такую длинную речь. Значит, и в самом деле девочки очень хотят помочь ему.

Эта забота растрогала Дмитрия. Стало радостней на душе. Он забыл о своем трудном походе в институт, на лице появилась улыбка.

— А родители не заругаются? Вы с ними говорили?

— Нет, нет, дядя Дима, не беспокойтесь! Конечно, говорили!

— Ну, что ж, если вам так хочется… — медленно произнес он. — Чур, потом на меня не пенять, сами захотели…

— Конечно, сами! Конечно, дядя Дима!

— Ну, хорошо, хорошо…

А это кто еще? Кто-то бесцеремонно толкает его в бок. Дмитрий ощутил горячее дыхание на своей щеке, влажное прикосновение… Типтоп! И он тоже тут! Летчик треплет собаку по голове, щекочет за ушами, похлопывает по курчавой спине. «Любишь ласку, приятель! Ну, что ж, получай, получай. Совсем стал взрослый пес…»

Девочки прощаются и уходят довольные, бесшумно закрывая за собой дверь.

— Ляж! Говорят тебе, ляж! Встань только! Попробуй!

Это Таля дрессирует Типтопа.

— Я что тебе сказала? Только встань! Вот я тебе дам, узнаешь, как не слушаться! Сказала, ляж! Какой ты глупый, Типтоп!

— Во-первых, не ляж, а ляг. А во-вторых, так собаке не говорят, пора бы знать, — поправляет Лара. — Ходишь, ходишь в кружок, а толку…

— Ляг! — без тени смущения отзывается Таля. Ей все нипочём.

Девочки теперь каждый день поочередно занимаются дрессировкой Типтопа. У них даже график составлен, висит на стене рядом с расписанием уроков.

— Держи! Возьми палку в рот! -с раннего утра слышен голос Тали. — Пока не возьмешь-не отпущу! Я кому сказала?

Дрессировщица Таля неважная. И успехи у Типтопа пока не велики. Только и научился, что лапу давать, и то лишь тогда, когда захочет выклянчить лакомый кусочек.

Все пошло по-другому, когда за дело взялась Лара.

— Дай аппорт! — командует Таля.

— Не «дай аппорт», а просто «дай», — поправляет Лара. — «Аппорт», по-твоему, что значит?

— Возьми.

— А у тебя что получается? «Дай, возьми»… Поняла?

— Поняла.

Лара хорошо помнила все, что говорили в кружке, в клубе служебного собаководства.

У сестер состоялся генеральный совет. Если Типтопа учить только дома, многому не научишь. Поэтому решили продолжать занятия на дрессировочной площадке. Отправились туда в воскресенье.

Шум, гам, собачий лай — такой представляла себе Таля дрессировочную площадку; ио она ошиблась. Для того и дрессировочная площадка, чтобы приучить собак не грызться

без толку, не бросаться друг на друга и на всех прохожих без разбора. На площадке строгий порядок.

Обучить собаку — дело сложное. Дело не в том, чтобы знать в точности все команды. Чтобы научить чему-либо полезному животное, нужно прежде всего поработать над собой: не махать попусту руками, не кричать, не суетиться, не путать его ненужными возгласами и разговорами. Чем строже относится дрессировщик к себе, тем успешней идет учеба.

Легко сказать «не махать руками», «не суетиться». Что делать, если у Тали от рождения вечный зуд в ногах, руки сами делают то, о чем не думает голова, а язык так и торопится, точно пулемет, выпалить все, что приходит на ум. Нелегко давалась Тале главная заповедь дрессировщика — быть прежде всего требовательной к себе.

Отец и мать предупредили: «Если будешь небрежно относиться к урокам, запретим заниматься с Типтопом». Пришлось серьезнее взяться за учебу. Таля перестала получать тройки, одни четверки стали теперь в ее дневнике. Хотя редко, но стали появляться и пятерки.

Каждое воскресенье, с утра, девочки отправлялись на дрессировочную площадку. У кого — воскресенье отдых, а у Лары с Талей — работа. Кто не знает, тому трудно понять, чему учат Типтопа. На его морду надевают какую-то кожаную штуку, мешающую нормально видеть. Ходишь и натыкаешься на все предметы, а бегать уж и не вздумай. Поневоле научишься осторожности при ходьбе. Сперва Типтоп пытался сбросить помеху с глаз, но потом смирился.

На другом занятии Типтопа впрягли в какие-то оглобли, которые задевают за стены строений, за деревья и кусты. Приходится обходить стороной все препятствия, держаться на определенном расстоянии от них.

Трудная это наука для собаки. Трудная, а ничего не поделаешь, приходится осиливать.

Зато выполнишь все, что требуется, получаешь лакомый кусочек — мясо или сахар.

— Ты знаешь, папа, — сказала как-то Таля отцу,- Типтоп различает красный и зеленый цвет.

— Что он у вас в шоферы готовится? — пошутил отец.

— Вы там. чего доброго, скоро его и разговаривать научите, — заметила мать.

— Ну, разговаривать он никогда не научится, — возразила Лара, — а понимать может многое.

Лара считает себя специалисткой по служебному собаководству и активисткой ДОСААФ. Поэтому у нее такой авторитетный тон.

— Интересно, много ли вас таких азартных? — спрашивает отец.

— Много, много, — с жаром отвечает Таля. — Там и мальчики занимаются!

— Да ну-у?!-с притворным изумлением протянул отец. — И все делают то же самое, что и вы?

— Ну да!

— И вовсе не то же самое, — поправляет Лара. — Мальчишки больше увлекаются стрелковым спортом, мотоциклетным.

Родители посвящены в таинственные намерения девочек, поэтому снисходительно относятся к тому, что дочери без конца пропадают либо в клубе служебного собаководства, либо на дрессировочной площадке.

Дрессировкой Типтопа интересуются не только папа с мамой, но и все ученики школы. Все беспокоятся, удастся ли сестрам осуществить свой замысел.

— Дядя Дима! Дядя Дима!

Рассудительную, выдержанную Лару нельзя узнать. Она возбуждена, обрадована…

— Что случилось, девочка?

— Дядя Дима! Я вам принесла… я вам принесла…- Она торопливо раскрывает сверток, шурша бумагой, кладет что-то на стол. — Это такой прибор… он придуман специально для… — Лара чуть заметно запинается, — для тех, у кого повреждено зрение.

— Что же это за прибор?

— Он позволяет чертить!

— Чертить?

— Да.

— А ну-ка, дай…

Чертить… Неужели? О, если бы это действительно оказалось так! Подготовка к экзаменам уже началась: ежедневно девочки, сменяя одна другую, читают ему учебники. Память у него хорошая, запоминает он все отлично. Но ведь будущему инженеру необходимо владеть рейсфедером и чертежным карандашом.

Дмитрий ощупывает то, что принесла Лара. Плоская коробочка, похожая на готовальню… Внутри — набор инструментов: планшет, пластинка… кажется, из целлулоида… Но как этим пользоваться?

Лара объясняет:

— У нас в классе у одного мальчика папа преподаватель в школе для слепых детей… — Сейчас она решилась произнести слово «слепых», поскольку в этот момент оно не относилось прямо к дяде Диме. — И он, папа этого мальчика, сконструировал прибор. У кого еще сохранился хотя бы один процент зрения, ну, хотя бы совсем-совсем немного, тот может с помощью этого прибора выполнить любой чертеж. Понимаете, дядя Дима? Он, этот мальчик, знает про вас… Мы говорили ему, что вы собираетесь учиться в строительном институте. И он принес нам такой прибор. Для вас. Вот!

— Как им пользоваться? — взволнованно спрашивает летчик.

— Тут только надо электрическую лампочку. Сейчас…

Лара принесла с собой все необходимое: и лампочку, и длинный шнур со штепсельной вилкой на конце. Девочка втыкает вилку в электрическую фарфоровую розетку на стене, разматывает шнур, чтобы подтянуть к столу.

— Видите, дядя Дима?

Трубицын подносит лампочку близко к глазам и видит тусклое маслянистое пятно.

— Вот, дядя Дима, — продолжает объяснять Лара. — Планшет прозрачный. А на пластинке — мастика. Она не пачкает, не бойтесь! Проведите по ней рейсфедером… А теперь я подсвечу снизу лампочкой… видите? Ну, видите?

— Вижу!!! — вдруг закричал Дмитрий. — Вижу! Погоди, девочка, не торопи… Дай всмотреться!..

Он боялся поверить себе, боялся сшибиться. Вот эта линия, что он нанес на пластинку, она рельефная — можно ощутить пальцем. И ее же он видит… да, да, видит! Прямая светящаяся черта, проведенная его рукой!

А если он проведет еще одну черту, перекрещивающуюся с первой? Видит! Получился угол… А если еще одну? Треугольник… Видит!!!

— Где ты взяла это, Лара?

— Да я же рассказывала вам: папа одного мальчика…

— Да, да, помню! Не повторяй! Слушай, ведь это же великое изобретение! И как просто! Все гениальное — просто! Теперь я могу чертить! Неужели — могу?!. Хочешь, я нарисую самолет, на котором я летал?

И он действительно начертил контур самолета, распластавшего в полете свои крылья.

— Нет, лучше это… — И медленно, еще неуверенно, но все же довольно точно он нарисовал — именно нарисовал — угловатые прямоугольные буквы, сложившиеся в слово «Проект».

Проект! Вот с чего начнется его новая- вторая жизнь!

Лара, раскрасневшаяся от радости, блестящими глазами следила за его рукой, водившей по волшебной пластинке. Кажется, так бы и повела сама, помогла ему…

— Где же эта ветрогонка Талька? — волнуется Лара. — Сейчас как раз подходящий момент сказать дяде Диме все! Ведь так и условились…

Наконец в саду, под верандой, послышались шаги. Лара крикнула:

— Таля! Тебя сколько можно ждать?!

Таля запыхалась, видно, бежала всю дорогу. Типтоп вприпрыжку вбежал за ней.

— Здравствуйте, дядя Дима.

— Здравствуй, Таля.

— Дядя Дима, — сказала Лара, — мы вам еще один подарок приготовили…

— Подарок? Какой подарок? — отозвался Дмитрий, не вникая в смысл ее слов. Он продолжал с увлечением водить рейсфедером. по пластинке: чертил, стирал и чертил вновь.

— А вот…

Таля подвела к Трубицыну Типтопа. Летчик машинально провел рукой по спине собаки: рука наткнулась на какой-то предмет. Будто дуга на шее у лошади, только в миниатюре.

— Что это?

— Шлейка. Возьмитесь за нее.

Дмитрий взялся за шлейку, обтянутую кожей. Вот из-за этой штуки и задержалась Таля. Пришлось заказывать ее специально мастеру; а ему все некогда да некогда, еле дождалась.

— Теперь идите.

Трубицын не сразу понял, чего хотят от него девочки.

— Почему — идите?

— Типтоп поведет вас.

— Куда поведет?

— Куда хотите. Хотите, он найдет вам дверь?

— Ну, дверь я и без него найду.

— Тогда он поведет вас по улице…

— По улице? — на лице Дмитрия отразилось недоумение: «Поведет по улице…

Неужели?» — Что ты хочешь этим сказать?-растерянно спросил он.

— Типтоп — собака-поводырь,-опережая сестру, отчеканила Таля. — Мы его выучили. Теперь он всегда будет водить вас.

— Всегда? Как же всегда? — Дмитрий понимал и не понимал. — Это же ваша собака…

— Типтоп — ваш!-в один голос воскликнули сестры. — Мы и взяли его для вас!

И они наперебой принялись рассказывать ему, спеша выложить столь долго скрываемую тайну: как решили вырастить и выучить для дяди Димы собаку-поводыря, как ради этого записались в кружок юных собаководов и взяли маленького эрдельчика…

— Вы.,.. для меня?!

Пот выступил на лбу летчика. Он вынул платок — отер; стал засовывать в карман и уронил. Типтоп сейчас же поднял платок и ткнул носом в колени. Девочки немедленно подсказали:

— Вы скажите: «Дай».

— Дай.

Типтоп отдал платок Трубицыну.

— Ну, пойдем… — Дмитрий взялся за шлейку.

Слепой и собака спустились по лестнице, прошли по двору. Типтоп именно вел Дмитрия, а не просто семенил рядом. Огибая угол дома, он отошел подальше от стены, и Трубицын прошел, не задев ее.

Дмитрий крепко сжимал шлейку левой рукой. Когда надо было остановиться, шлейка толкала его руку назад, потом снова тянула за собой.

Обойдя двор, Трубицын и Типтоп вернулись в квартиру. Девочки с напряженными лицами безмолвно следовали позади.

— А теперь что?

Дмитрий все еще не мог опомниться от неожиданности.

— А теперь пойдемте гулять! На улицу! На улицу, дядя Дима!

— Да, да, на улицу, — заторопился он, но, почувствовав внезапную дрожь в ногах, вынужден был опуститься в кресло.

— Мы только переоденемся. Мы сейчас! — сказала Лара.

— Сегодня же воскресенье, праздник! — добавила Таля.

Девочки ушли. Следом ринулся и Типтоп: пес еще не знал, что отныне у него другой хозяин.

«Пускай, — Дмитрий улыбнулся. — Пускай. Не сразу. Привыкнет постепенно».

«Тип-топ, тип-топ»… — Трубицын любовно повторял эти два слога, прислушиваясь к топотанию собачьих лап за перегородкой. Слабость в ногах проходила, и его уже самого неудержимо тянуло на улицу.

Все шло по плану, намеченному девочками. Сначала небольшая практика во дворе, потом более дальняя и сложная прогулка — в город. Одновременно это испытание и для Типтопа. Одно дело — ходить с девочками, только изображающими, что они нуждаются **в** помощи поводыря, и совсем другое — с настоящим слепым. Сказать откровенно, и Лара, и Таля ожидали этого дня с тревожным нетерпением. И сейчас у обеих беспокойно колотились сердца. Ведь это экзамен и для них: как они справились с дрессировкой собаки… Ну, держись, Типтоп, покажи, на что ты способен! Да, смотри, не подведи, мохнатый поводырь!

— Мы готовы! — донеслось из-за стенки.

Дмитрий встал, застегнул пуговицы кнтеля, пробежав по ним пальцами сверху донизу, надел фуражку и громко позвал:

— Типтоп, ко мне!

Улица.

Они идут двумя группами. Впереди летчик. Правой рукой он опирается на палку, а левой сжимает подергивающуюся шлейку на шее Типтопа. Позади-девочки в ярких праздничных платьях. Они постепенно отстали от Трубицына, чтобы не отвлекать Типтопа, не мешать ему выполнять свои обязанности.

Очутившись среди людского потока, Дмитрий вновь ощутил ту растерянность, близкую к боязни, которая мучила его все время. Усилием воли он заставил себя успокоиться. Теперь он не один, теперь с ним есть надежный друг, который ведет его. И стоило только внушить себе эту мысль, нервное напряжение сразу стало ослабевать, высохли взмокшие ладони, рука уже не так сильно стискивала шлейку. Ох, и тяжело учиться ходить заново!

Перекресток. Равномерное покачивание прекратилось, шлейка толкнула руку — Трубицын остановился.

Мимо несется поток автомобилей, слышится шуршание шин по асфальту. Пес терпеливо ждет. Можно подумать, что он понимает, что значит красный сигнал светофора или взмах руки постового милиционера!

Шлейка дрогнула, потянула вперед. Путь свободен. Вместе с толпой они переходят улицу. Девочки сзади подталкивают друг друга локтями. «Хорошо, хорошо, Типтоп! Молодец, рыженький!»

— Дядя Дима! — догоняя, окликает Лара. — Поедемте на трамвае!

В самом деле, улица — уже не проблема. На улице Типтоп ориентируется превосходно. Сам отвернет, чтобы не столкнуться с встречными пешеходами, сам остановится, когда надо. Ведет так искусно, что не нужна и палка.

Они садятся в трамвай. Типтоп со своим спутником — с передней площадки, девочки-с задней. В вагоне собака подводит Трубицына к одной из скамеек. Она занята, сидит какой-то паренек. Типтоп бесцеремонно толкает его носом: освободи! Паренек с недоумением посмотрел на собаку, на человека в темных очках, понял и тотчас уступил место.

Девочки и здесь держатся в отдалении. Пусть Типтоп делает все самостоятельно.

А куда они едут? Дмитрий молчит, не спрашивает. Типтоп спокойно сидит рядом. Взоры всех пассажиров устремлены на слепого с собакой. Многие улыбаются доброжелательно. Типтоп невозмутим. Он пристроился у ног хозяина, карие глаза умно поблескивают.

— Остановка Парк культуры! Следующая — Институт! — слышен голос кондуктора.

Типтоп вскочил и ткнул Дмитрия носом, давая понять, что пора продвигаться к выходу. Трубицын не сразу понял, в чем дело. Он не знал, что девочки специально тренировали Типтопа на этом маршруте трамвая.

У института они вышли, погуляли по скверу. С лица Дмитрия не сходила улыбка. Потом они все четверо сели в трамвай, идущий в обратном направлении.

— Садовая, — объявил кондуктор.

Типтоп вскакивает, подставляя шлейку своему хозяину, ждет, когда Трубицын возьмется за нее, и уверенно направляется к выходу. Все расступаются, пропуская их вперед.

Милый, дорогой пес, он знает все! Понимает даже остановки.

Вот и знакомая калитка, откуда начался их сегодняшний поход. Слепой замедлил шаг, остановился, принуждая сделать то же самое и Типтопа. Подошли девочки.

— Ну, как, дядя Дима, вы довольны?

Доволен ли он? Наивный вопрос. Он счастлив, счастлив безмерно впервые после стольких дней неверия в свои силы. Типтоп будет отныне его неразлучным другом, он заменит ему зрение. Помощь четвероногого товарища поможет Дмитрию вернуться к полнокровной жизни.

Трубицын подхватил собаку на руки, сгреб в кучу обеих девочек и, прижав к себе, закружился с ними.

— Милые вы мои, хорошие!.. Да что же это, а? Неужели и вправду… Вот спасибо вам, вот спасибо!..

Прохожие с удивлением смотрели на эту сцену. Никто не понимал причины столь бурного веселья, но каждый догадывался: случилось что-то хорошее, радостное.

…Может быть вам приходилось встречать на улице человека с Золотой Звездой на груди, в полувоенной одежде, какую носят многие, служившие в армии, не желая и в гражданской жизни расставаться с полюбившейся нм формой? Прямой, строгий, он идет уверенно, с высоко поднятой головой, и, если бы не дымчатые очки, закрывающие глаза, да характерная неподвижность в лице, вы, пожалуй, и не догадались бы, что перед вами — слепой. В одной руке он несет сверток чертежей, другой держится за металлическую шлейку рыжей короткохвостой курчавой собаки, которая деловито семенит рядом. Они уверенно пересекают улицу, выдерживая все правила уличного движения, садятся в трамвай. Маршрут их, большей частью, один и тот же: до строительного института и обратно.

Если бы вам удалось заглянуть в чертежи, вы прочитали бы там два слова, которые сказали бы вам все: «Дипломный проект».

Вчерашний летчик и сегодняшний инженер Дмитрий Алексеевич Трубицын оканчивает институт. Недалек день, когда по его проекту построят большое красивое здание. Он снова идет в высоту!

УЛЫБКА ЯНУСА

1

— Валентин! Ты сегодня начинаешь свою гражданскую службу, — сказал начальник клуба служебного собаководства.- Учти особенности нашего дела. К нам идут рабочие, домохозяйки, артисты, учителя, пенсионеры, школьники… Мы можем сравнить себя с добровольным спортивным обществом. Однако даже там приходится иметь дело с более однородным по подбору людей составом, нежели у нас. К нам приходят люди самых разнообразных профессий, разных возрастов, разного круга интересов, зачастую совершенно неизвестные нам. Наша задача — разобраться в этой пестрой массе, узнать, кто чем интересуется, понять каждого.

Так говорил Сергей Александрович, а Валентин — вдумчивый, серьезный юноша с простодушно-доверчивым выражением лица и задорным хохолком на затылке, который, видимо, не поддавался никакому воздействию расчески, — слушал и «мотал на ус».

Валентин Кульков когда-то состоял в кружке юных друзей обороны, которым руководил Сергей Александрович; потом окончил среднюю школу, отслужил на действительной в Советской Армии и после демобилизации поступил работать в клуб. Он еще не успел сменить армейскую форму на обычную гражданскую одежду, только снял погоны. Сегодня он впервые приступал к обязанностям инструктора по служебному собаководству.

— К нам приходят разные люди, — повторил начальник клуба, — и наша обязанность, Валентин, суметь найти к каждому правильный подход. Главное — это умение работать с людьми, от этого зависят все наши успехи. В члены нашего клуба может вступить всякий, интересующийся собаководством. К нам приходят честные советские труженики; но иногда можно встретиться и с корыстолюбцем, темным дельцом Ну, этих, правда, узнаешь сразу: по собаке. У того, кто смотрит на собаководство, как на средство, с помощью которого можно извлекать свою выгоду, хороших собак, как правило, не бывает.

Разговор происходил в комнате, где производились прием посетителей и регистрация собак, и мы, присутствующие, с интересом прислушивались к наставлениям начальника клуба.

Кроме меня, здесь находились: молодая женщина с очень резвой, непоседливой овчаркой, которая, не слушаясь увещеваний своей хозяйки, поминутно вскакивала и тянулась носом то к одному, то к другому из нас; пожилой солидный мужчина в очках с упитанным золотисто-шоколадным боксером, важно лежавшим у его ног; и мальчик-пионер со щенком лайки, таким же шустрым и подвижным, как его хозяин.

Каждый из нас был достаточно близок к клубу, состоял в числе его актива, и потому начальник мог говорить, не стесняясь.

Мысль, что по собаке нередко можно определить и наклонности хозяина, понравилась всем. Разговор сделался общим; только Валентин и мальчик-пионер слушали молча.

— Старая поговорка: по скотине судят о хозяине, — веско сказал мужчина с боксером.

— Совершенно верно, — кивнул головой Сергей Александрович. — Охотник, удовлетворяя свою страсть, держит охотничью собаку, любитель безделок — болонку или левретку. У скупого хозяина тощая скотина, у заботливого и внимательного — всегда упитанные, выхоленные животные.

— В некоторых случаях даже кличка может служить кое-каким указанием, — заметил я.

— А вы знаете, — обернулся Сергей Александрович в мою сторону, — мне иногда кажется, что есть какая-то связь между кличкой собаки и ее характером. Так, все знакомые мне Джери обладали мягким, послушным и на редкости привязчивым характером; Рэксы — злобны, неприветливы. Всякие там Дэзи, Мими — это обязательно изнеженные, ни к чему серьезному не пригодные собаки. Правда, есть и ничего не

говорящие клички, например Бурай, Азор, Ринтити и т. д., но они встречаются сравнительно реже. Может быть, вкус и привычки владельца, отражающиеся, как известно, на воспитании собаки и выработке у нее характера, сказываются и на выборе клички. Не буду утверждать, что это так, но что по кличке собаки нередко можно определить и профессию хозяина или, хотя бы приблизительно, род его деятельности, так это совершенно точно. Приходит как-то ко мне пожилой мужчина, кличка собаки — Гарт. Ну, думаю, наверняка какой-нибудь типографский работник. И верно. Оказался директор типографии. Вист или Мизер будет обязательно у любителя карточной игры…

— А в самом деле! — смеясь, подхватил я. — Когда у моей Снукки были щенки, нескольких из них купили артисты. Я поставил непременным условием, чтобы все щенки были названы на букву «а», и что же? Одна стала Аида, другой — Амур… В детстве, помню, у меня был репетитор-математик, так у него был сеттер — Тангенс!..

— Остряки утверждают, — проговорил Сергей Александрович с лукавой искоркой в глазах, — что можно обнаружить сходство между собакой и ее владельцем даже во внешних чертах…

— Ну, уж это слишком! — возмущенно воскликнула любительница с овчаркой и беспокойно заерзала на месте.

Она, вероятно, опасалась, как бы непослушное поведение ее собаки не отнесли за счет свойств самой хозяйки.

— А что вы хотите, вполне возможное дело, — по прежнему серьезно, без тени юмора, сказал боксерист. — Рослый, сильный человек и собаку подберет соответственно своим физическим данным. Слабосильному с такой собакой не управиться-стало быть, он будет интересоваться чем-нибудь полегче. А в рассуждении поведения — так это же опять вопрос характера…

— Да ну вас!-вспыхнула молодая женщина и замахала на нас рукой.

Взрыв хохота был ответом на это. Мы развеселились и, наверное, еще некоторое время продолжали бы болтать о пустяках, если бы в эту минуту в клубе не появилось новое лицо.

Это был высокий представительный мужчина, прекрасно одетый, в габардиновом пальто и мягкой фетровой шляпе, белом шелковом кашне, с художественной небрежностью выпущенном наверх. Приподняв шляпу и с вежливой улыбкой сделав общий поклон, посетитель остановился у стола Валентина и осведомился, может ли он зарегистрировать свою собаку. Около себя он придерживал накоротке крупного, превосходно сложенного и прекрасно выглядевшего пса, который, озираясь, злобно скалил на окружающих свои клыки.

— Хорош дракончик? — сказал, обращаясь к нам, начальник клуба, взглядом знатока окидывая собаку. — Можно ставить на любой пост, не подпустит.

— Как кличка?-спросил Валентин, кладя перед собой книгу записи породистых собак.

— Кембль.

Пользуясь наступившей паузой, Сергей Александрович вытащил папиросу и принялся мять ее между пальцев. Владелец Кембля мигом извлек из кармана пальто изящную никелированную зажигалку, сделанную в виде миниатюрного пистолетика, и, щелкнув перед лицом несколько опешившего начальника клуба, любезно дал ему прикурить.

— Благодарю. Изящная вещица, — сказал тот, беря зажигалку в свои руки и любуясь ею. — Где приобрели?

— Подарок приятеля, — ответил спрошенный, сопровождая свои слова самой привлекательной улыбкой.

— Вот вам возможность проверить вашу теорию насчет кличек и всего прочего, — говорили мы спустя несколько минут Сергею Александровичу, перейдя вместе с ним в его кабинет, чтобы не мешать Валентину заниматься с посетителем.

— Кембль. Редкая кличка…

— …по которой, пожалуй, ничего не определишь,- подсказал боксерист.

— Ну, почему же! Кембль, если не ошибаюсь, известный английский актер-трагик прошлого столетия. Отсюда можно допустить, что данный гражданин должен близко интересоваться искусством, может быть, даже сам человек искусства… Наверное — актер. Что же касается самой собаки…

Дальнейшие рассуждения были прерваны телефонным звонком. Сергей Александрович снял трубку и занялся деловым разговором. Нам же пора было уходить.

2

— А вы знаете, он действительно актер! — говорил мне через неделю Сергей Александрович.

— Кто?

— Хозяин Кембля. Помните, приводил при вас собаку? Любезнейший человек и страстный любитель собак! Уже принес Валентину контрамарки, приглашал меня в театр. Читал про него рецензию: отмечается способность к перевоплощению — первое качество всякого настоящего артиста. Валентин от него без ума! Фамилия — Симкин; вы его должны знать по афишам, хотя он у нас недавно.

По разговору Сергея Александровича было видно что не только Валентин, но и сам он уже подпал под обаяние нового члена клуба.

Правду сказать, основания к этому были полные. Симкин, с которым вскоре познакомился и я, бесспорно относился к числу тех людей, которые умеют понравиться мужчине или женщине — безразлично, умеют заинтересовать вас остроумной содержательной беседой, даже увлечь, и сделать так, что раз от раза вы будете все с большим удовольствием встречаться, говорить с ним. Этому немало способствовала и улыбка, неизменно сопровождавшая все его действия и высказывания, приветливая, предупредительно-умная, но отнюдь не льстивая или казенно-обязательная, какую иной раз носят некоторые люди, желающие показать, что вы очень приятны им. Симкин оказывал мелкие услуги клубу; при его активном участии был организован хороший шефский концерт силами артистов — членов клуба, которым был отмечен двадцатилетний юбилей со дня основания нашего клуба. — Очень приятный человек, очень, — говорил мне при следующей встрече начальник клуба. — Приятный и полезный, но пес у него — дурной.

— Почему? — удивился я. — Не вы ли хвалили его?

— Я и сейчас не меняю о нем своего мнения, что касается экстерьера. Но по характеру — дурной. Никогда не знаете, что он может сделать. Можете гладить его, идти с ним рядом, и вдруг ни с того, ни с сего он хватает вас. Какие-то странные повадки. Ласкаешь, а он хватает! Непонятная двойственность натуры, какой я никогда не встречал у собак. Я уж интересовался, в каком возрасте Симкин взял Кембля, — может быть, это результат каких-нибудь ненормальностей, пережитых в раннем периоде жизни, частая смена хозяев? Нет, говорит, что держит его со щенка.

— Вероятно, характер хозяина! -пошутил я. — Вы же сами говорили, что…

Сергей Александрович ничего не ответил, и я не понял, согласился ли он со мной или считал мое замечание неуместным, поскольку речь шла о человеке, который всем нам был симпатичен.

3

Последовавшие за тем месяца два я был сильно занят и не виделся с Сергеем Александровичем. Наконец, выдался свободный денек. Я направился в клуб и застал своего друга с газетой в руках.

— Читали? — встретил он меня.-Американский конгресс опять отпустил миллионы долларов на подрывную работу против нас и стран народной демократии! Нет, вы послушайте только, что пишут эти господа!-с возмущением потряс он газетой.-«Убийство является решающим оружием…» Или вот еще: «Мы готовим шпионов, диверсантов и специалистов по части самых беспощадных методов «психологической войны». Их обучают, как можно проникать на русские предприятия, чтобы достать там какую-нибудь важную информацию. Они учатся технике взрыва мостов, железнодорожных составов и военных заводов…» И дальше: «Это включает в себя тайную заброску замаскированных агентов, печатного оборудования, радиопередатчиков, ядов, взрывчатых и зажигательных веществ». Хороша «психология»! И до чего наглы: сами же трубят об этом, разоблачают себя!

Помимо благородного негодования, сейчас в нем говорила и практическая озабоченность, ибо он тотчас добавил:

— Надо лучше охранять наши предприятия. Промышленность- основа нашего могущества. Да! Кстати! Вы знаете новость: Симкин продал своего Кембля!

— Такую хорошую собаку?!

— Да. И даже не очень дорого взял. Говорит, тесная квартира, негде держать, ну… и так далее, что говорят обычно **в** таких случаях, — Сергей Александрович не скрывал своего огорчения. — Меня всегда возмущает, — признался он, — когда возьмут собаку, растят, балуют ее, а потом — бац! Надоела! — И сбывают с рук, как ненужную вещь. А собака — это не вещь!

— Он говорит, — произнес появившийся **в** комнате Валентин, — что заведет собаку снова, когда получит новую квартиру…

— Слова!-Сергей Александрович выразительно махнул рукой, из чего я заключил, что ореол Симкина значительно потускнел. В клубе не любят, когда собаковод беспричинно продает хорошую собаку. А Кембль был бесспорно отличным псом.

— Вот вам и страстный любитель собак! — заметил я.

— Да… Правда, у Кембля есть один существенный недостаток.

— Что за недостаток?

— У него нет родословной.

— Как — совсем?

— Совсем. Неправда ли: даже странно — такой хороший пес! По его экстерьерным достоинствам он мог бы служить производителем, а теперь приходится использовать его только как рабочую собаку. При его злобности он должен быть неплохим караульным псом. Мы уже проверили его, — все рефлексы работают хорошо, не боится ни выстрелов, ни других сильных отвлечений. Симкин поставил нам условие: чтобы мы сообщили ему, где будет работать собака. Все-таки, говорит, как-то легче, когда знаешь, где и как живет твой пес…

— И вы сказали?

— Конечно, нет!

— Я сказал, — признался вдруг Валентин, краснея.

— Ты?!-уставился на него начальник клуба.

— Ну да, он спросил меня, и я сказал.

— Валентин, — строго произнес Сергей Александрович, — делаю тебе замечание: вовсе не обязательно всем знать, куда идут приобретенные нами собаки!

— Но он же справлялся о своей собаке!

— Была его, стала не его.

Валентин прикусил язык.

— И где же теперь Кембль? — поинтересовался я.

— Мы позвонили на одни завод, и собаку сразу же забрали у нас для охраны. Там как раз требовалось пополнение. Завод расширяется, организовали дополнительные блок-посты.

— Ну, и как там Кембль чувствует себя?

— Да, представьте, ничего. Сначала потосковал, конечно, немного, а сейчас, говорят, уже ничего… Хвалят; злобен, чуток. Будет сторожить хорошо!

4

В тот же вечер, я уже собирался ложиться спать, когда ко мне неожиданно позвонил по телефону Сергей Александрович и голосом, в котором улавливались волнение и скрытая тревога, осведомился:

— Вы еще не спите? Вот это хорошо. Я хотел бы отнять у вас несколько часов. Есть неотложное дело.

— Что-нибудь случилось?

— Да. Одевайтесь, сейчас мы за вами заедем. Дорогой узнаете все.

Пробило полночь, когда я сел в автомашину рядом с Сергеем Александровичем; впереди с шофером сидел Валентин.

— Ну так что произошло? Рассказывайте.

В нескольких словах Сергей Александрович объяснил причину нашего столь позднего выезда. Только что сообщили с завода, о котором у нас шла речь днем: случилось чрезвычайное происшествие, как говорят в армии — ЧП, происшествие, весьма встревожившее начальника клуба. На объекте, на охране которого стоял Кембль, обнаружилось нарушение. Кто-то пытался проникнуть на территорию нового цеха: это удалось обнаружить по пролому в кирпичной кладке стены. Злоумышленника, видимо, вспугнули; только поэтому, надо думать, ему не удалось довести задуманное до конца. Самое же странное заключалось в том, что собака, уже успевшая зарекомендовать себя как надежный караульный, на этот раз не издала ни звука, хотя была здорова, невредима.

— Вы понимаете, что это значит! — горячо повторял Сергей Александрович. — Мы непременно должны выяснить причину непонятного поведения Кембля. Если сегодня отказала одна собака, мы не гарантированы, что завтра может сделать то же самое другая. Каково же мы будем выглядеть после этого со своими животными перед заинтересованными организациями? Я потому и попросил вас поехать, с нами. Как говорится, ум хорошо, а два лучше! А три-тем более!

Его волнение было вполне понятно. Еще не было случая, чтобы хорошо отработанная караульная собака подпустила чужого к охраняемому ею объекту. Кембль — действительно странное исключение..

Завод — самый крупный в нашем городе — еще издали встречал нас множеством огней, сполохами плавок, синими молниями электросварки. Завод расширялся. Продукция его была хорошо известна не только по всей советской стране, но и далеко за ее пределами — в странах народной демократии, в народном Китае; и, надо думать, не один злобный и алчный взор мысленно тянулся к нему из-за океана, где враги человечества замышляли новую войну против лагеря демократии и мира.

Словом, нас ничуть не удивляло, что враг (а это мог быть только враг!) пытался проникнуть на завод, чтобы выведать там секреты производства, а может быть совершить и что-нибудь похуже — поджог, взрыв, убийство. Плохо было то, что ему едва не удалось это осуществить и что он не пойман.

Нас встретил начальник вахтерской охраны. Лицо его было озабочено. Пожав поочередно всем руки, он, не теряя времени, повел нас на место происшествия.

Завод для меня — всегда нечто очень величественное, какая-то овеществленная симфония труда. Меня волнует строгий, налаженный ритм работы, могучая сила, которую ощущаешь сразу же, едва переступишь порог заводской проходной; та атмосфера созидания, которая немедленно охватывает вас... Пока мы шли мимо погромыхивающих цехов, я на какое-то время даже забыл и Кембля, и зачем мы приехали сюда.

Но вот до моих ушей донесся собачий лай, так странно прозвучавший в этом царстве техники. Наш провожатый повернул за угол огромного цехового здания, возвышавшегося над нами, из высоких труб которого, терявшихся в черном небе, порой

вылетали снопы искр, и мы оказались у цели.

Кембля уже сняли с поста: он был привязан в стороне, а вместо него у стены цеха, где было вынуто несколько кирпичей, стоял один из бойцов охраны. Сергей Александрович, даже не посмотрев на собаку, сразу направился к тому месту, где она находилась час назад.

Но что ему могли рассказать кирпичи? Только один Кембль знал то, что тут произошло, но он не умел говорить.

— А что, если попробовать предоставить Кемблю свободу,- предложил я. — То есть не полную свободу, разумеется, а взять на длинный поводок и пустить?..

С минуту Сергей Александрович испытующе всматривался в меня, как будто хотел прочитать на моем лице, к каким результатам может привести мое предложение, затем решительно тряхнул головой:

— Блестящая мысль! -(начальник клуба любил сильные слова и обычно все выражал в превосходной степени).- Даже не обученный никакой розыскной работе пес всегда сможет пробежать по следу некоторое расстояние, если с этим связано сильное раздражение. А недавнее происшествие, хоть Кембль и не подал голоса, должно было явиться для него сильным раздражителем… Прекрасная мысль! Я же говорил: ум хорошо, а два лучше!

Он сам отцепил радостно повизгивавшего Кембля, который узнал его и теперь ластился к нему, виляя хвостом.

— Ну, давай, давай… Только, смотри, не вздумай хватать, а то ведь ты такой!..

Постепенно Кембль успокоился; его подвели к разобранной стене цеха, причем он, как будто понимая, чего от него хотят, внимательно исследовал носом все трещинки в кладке, шумно втягивая воздух ноздря мн; затем Сергей Александрович поводил его недолго близ этого места и пустил на длинный поводок.

Пес закружился, нюхая землю, как обычно делают все собаки, получившие свободу движений после длительного лишения ее, засуетился, метнулся в одну сторону, в другую, наконец, движения его сделались менее порывистыми, он, казалось, нашел то, что искал, и побежал в сторону от цеха. Мы едва поспевали за ним.

5

Я не знаю, мелькнула ли у Сергея Александровича уже в этот момент догадка о том, что вскоре стало для всех нас совершившимся фактом, но, несомненно, та энергия, с какой Кембль пустился в преследование, по вполне понятным причинам обрадовала его и в то же время наг вела на некоторые размышления. Что Кембль бежал по следу, для всех нас не представляло никакого сомнения.

Когда собака стремится убежать, она несется во всю прыть, пустив хвост по ветру или поджав его, если она напугана, не теряя ни секунды; когда она бежит «просто так», без какой-либо определенной цели, без направления, она то побежит, то остановится, подолгу занюхивается на одном месте, повернет туда, сюда, опять задержится… Когда же она «идет» по следу, вы узнаете это сразу; у нее деловой, сосредоточенный вид, она нюхает землю, но ровно настолько, сколько требуется, чтобы уловить необходимый запах, понюхала — побежала, понюхала — побежала, то есть, в сущности, даже не перестает нюхать, так как почти не отрывает носа от земли; может и петлять, как заяц, если это делал тот, кого она стремится отыскать, догнать, однако и эти «кренделя» на местности будут выписаны так, что вы сразу поймете, что это продолжение поиска, логическое развитие преследования… Именно так бежит розыскная собака.

Но Кембль не был розыскной собакой! — возразите вы мне. Да, не был, но всякая собака в известных пределах может быть розыскной, особенно если она идет по следу известного ей человека.

Словом, предложив пустить Кембля, я вовсе не имел мысли сейчас же догнать и изловить преступника. Но случилось так, что это обстоятельство явилось решающим в истории с нарушителем.

Кембль добежал до забора, которым была обнесена вся заводская территория, и ткнулся носом в одну из досок. Она была оторвана и едва держалась на гвозде. Очевидно, здесь злоумышленник проник на площадку завода. Мы один за другим стали пролезать в эту щель, когда легкий возглас Сергея Александровича привлек общее внимание. Кембль, натянув поводок, усиленно искал что-то в траве; Валентин, неотступно следовавший по пятам своего начальника, подскочил к собаке, рискуя быть укушенным ею, нагнулся и что-то поднял; взглянул и тотчас протянул Сергею Александровичу. Тот посмотрел и даже присвистнул от неожиданности.

— Вот это да-а! — в его голосе слышалось изумление.

Секунду или две он размышлял, затем возвратил находку Валентину, сказав: «Спрячь, да, смотри, не поте-ряй! Она еще пригодится нам!» — и обернулся к начальнику охраны завода.

— Я думаю, что Кембль виноват не так уж сильно.

— То есть?!-опешил тот, видевший в собаке чуть ли не первопричину всех зол.

— Разрешите объяснить позднее. А сейчас мы попробуем довести дело до конца. Поехали, друзья! Только на минуту завернем к заводоуправлению: я должен позвонить по телефону…

— Что вы задумали? — спрашивал я его через несколько минут, когда мы снова ехали в машине, удаляясь от завода. Кембль ехал с нами, сидя между мной и Сергеем Александровичем, на всякий случай — в намордник.

— Сейчас вы все поймете. Валентин, покажи, что ты нашел.

Валентин слазил в карман и вложил мне в руку какой-то небольшой металлический предмет. В первую секунду мне показалось, что-револьвер; но он был слишком мал. Я поднес его ближе к глазам, он тускло блеснул, и тут я узнал его: зажигалка!

Открытие было столь ошеломляющим, что в первый момент я не мог произнести ни слова. Симкин — враг?! Так это по его следу бежал Кембль?! Нет ли тут ошибки?

— Неужели это Симкин?.. — У меня не поворачивался язык выговорить то, что уже было

очевидностью.

— Да, — коротко и решительно подтвердил начальник клуба. — Судите сами: кто же еще? Думаю, что он такой же Симкин, как мы с вами леди Астор или Вандербильт.

Голос моего друга звучал жестко, беспощадно. Гнев, вызванный вероломством врага, мешался в нем сейчас с оскорбленным чувством честного человека, подло обманутого тем, кому он доверял. Те же чувства и мысли владели мной и Валентином.

— Подлец! Наймит! — вырвалось у него. И больше он не произнес за всю дорогу ни слова.

6

Все должно было решиться в ближайшие полчаса. Теперь всех нас волновал один вопрос: застанем ли мы Сим-кина дома? А вдруг он догадался о провале и поспешил скрыться!..

Автомобиль остановился у большого пятиэтажного здания. В доме были потушены почти все огни.

— Он, наверное, уже спит, — хмуро заметил Валентин.

— Ничего, разбудим. И потом — артисты ложатся поздно…

— Вы когда-нибудь были у него? — спросил я начальника клуба.

— Нет. И очень рад, что не был.

— А как же мы найдем его? Придется идти в домоуправление.

— Кембль покажет нам.

Сергей Александрович опять распустил поводок; Кембль, узнав дом и знакомую дорожку, сразу потянул к одному из подъездов. Мы поднялись за ним по лестнице на третий этаж и остановились перед дверью, на которой висела табличка, с несомненностью говорившая о тщеславии ее владельца:

— Артист… — процедил сквозь зубы Сергей Александрович.

Он нажал кнопку звонка.

Пришлось позвонить еще два раза, пока, наконец, за дверью послышались шаги; недовольный голос Симкина спросил:

— Кто там?

Сергей Александрович назвал себя, прибавив:

— Очень срочное дело, прошу извинить.

Симкнн долго возился с цепочкой, затем дверь открылась. Его глаза несколько округлились, когда он увидел, что нас трое и, кроме того, с нами Кембль, и мне показалось, что в них промелькнуло тревожное выражение. Но улыбка, как всегда, была предупредительно-приятна, безмятежна.

Он был в полосатой шелковой пижаме, но в штиблетах и выходных брюках, — уже успел одеться. Кембль попытался приласкаться к нему, но бывший владелец собаки оттолкнул ее. Как видно, Симкин совсем не был рад этой встрече.

— А квартира у вас вовсе не такая тесная, — сказал как бы между прочим Сергей Александрович, проходя по приглашению хозяина в комнату и опускаясь на стул.

— Да, но знаете… все-таки творческая работа, надо готовить роли… Чему обязан таким поздним визитом? — переводя разговор на другую тему, осведомился Симкин.

— Чему обязаны?..

Сергей Александрович не спешил с ответом. Я заметил, что украдкой он взглянул на часы. Казалось, он умышленно тянул время, вместо того, чтобы сразу объявить о цели нашего прихода сюда.

— Мы хотим вам вернуть одну вещицу, которая, вероятно, дорога вам, как подарок. С помощью Кембля мы нашли ее. Надо полагать, вы не забыли, где ее потеряли?

Можно было поражаться, насколько владел собой Сергей Александрович и с каким удивительным самообладанием держался Симкин.

— О чем вы говорите? -с улыбкой спросил он. Глаза его сузились, как у кошки, внезапно попавшей из темноты на яркий свет, взгляд сделался сразу колючим, неприятным и быстро сверлил поочередно каждого из нас.

— Валентин, прошу! — отчеканил Сергей Александрович.

Валентин, стоявший у двери, выхватил из кармана зажигалку. Симкин скользнул по ней взглядом и вдруг, коротко размахнувшись, сильно ударил инструктора по лицу. Тот пошатнулся, а Симкин шмыгнул мимо него. В ту же секунду раздался яростный вой, и Кембль прыгнул на Валентина. Намордник помешал собаке впиться в инструктора зубами, но рывок был настолько силен, что Сергей Александрович, не ожидавший этого и все еще державший Кембля за поводок, от толчка потерял равновесие и свалился со стула на пол.

Все это произошло столь быстро, что никто не смог помешать бегству Симкина. Щелкнул замок, хлопнула выходная дверь, послышались поспешные удаляющиеся шаги, и все стихло.

Однако далеко он не ушел.

Пока мы возились с замком, он успел добежать до нижней лестничной площадки, но Валентин, опередив меня и Сергея Александровича, после того как дверь, наконец, была открыта, в несколько прыжков настиг беглеца.

— Врешь, не уйдешь!.. — восклицал торжествующе Валентин, стараясь закрутить врагу руки за спину.

Однако Симкин не уступал ему в ловкости, чего никак нельзя было ожидать по его вкрадчивым манерам. Вывернувшись, он поднялся, в руке его очутился револьвер с коротким стволом — точная копия зажигалки.

— Бросить оружие!-спокойно произнес властный голос.

В подъезде стояли два офицера — работники органов, госбезопасности.

Через минуту помятый и потерявший свой лоск Симкин был водворен обратно в квартиру. Он смотрел на нас зверем; куда девались его благовоспитанный вид, его манеры? Теперь это был враг, с которого сорвали маску, омерзительный и жалкий выродок, переставший разыгрывать советского человека.

В квартире начали обыск. Чтобы Кембль не вздумал еще раз защищать хозяина, его заперли в соседней комнате. Он скулил и царапал дверь, а Симкин, как пригвожденный, сидел на стуле и бросал на нас ненавидящие взгляды, в которых сквозил животный страх. От улыбки не осталось и следа.

7

— Но какую роль здесь играла собака?

Такой вопрос я задал Сергею Александровичу на следующий день, в клубе. Мы все еще находились под впечатлением событий минувшей ночи, особенно Валентин. Зато начальник клуба испытывал полное удовлетворение. Все закончилось так, как и должно было закончиться, а это, в конце концов, главное.

— То есть я хочу сказать, — уточнил я свой вопрос,- какую роль она играла до того, как мы использовали ее против Симкина, пустив по его следу?

— Вам непонятно? Именно на Кембле был построен весь его план. Собака знала его; стало быть, он беспрепятственно мог проникнуть на любой объект, который она охраняла. Для этого он и продал ее нам. Для этого ему нужно было знать, где она будет использована. Для этого, наконец, он лишил ее родословной, так как при экстерьере Кембля и наличии родословной мы его могли использовать как производителя, а без нее оставалось только одно- поставить его на пост. Теперь вам ясно?

Да, теперь мне было все ясно.

— А если бы он не обронил зажигалку? — спохватился вдруг Валентин.

— Я уверен, что Кембль все равно привел бы нас к нему. Зажигалка только ускорила дело.

— Вот вам и подтверждение вашей теории о взаимосвязи между личностью хозяина и собакой, — напомнил я. — Двойственность характера Кембля и прочие его странности… Не забыли? Правда, вы говорили, что у темных дельцов не бывает хороших собак…

Сергей Александрович, оставив мою шпильку без внимания, пристально посмотрел на меня.

— Мы должны сделать из этой истории более серьезные выводы. Урок поучительный. Не надо забывать, что мы не одни на белом свете: вокруг нас много друзей, но есть и враги. Еще существует капиталистическое окружение. Правда, с ходом времени это выражение постепенно устаревает: капитализм сам начинает оглядываться пугливо, как бы ему не оказаться «в окружении». Но тем не менее, нельзя действовать ротозейски, без разбора, радуясь приходу каждого нового человека с собакой.

Похоже было, что начальник клуба сам читает себе мораль.

— Кажется, вы уже как-то говорили это Валентину…

— Да, но только теперь я по-настоящему прочувствовал это. Борьба за мир, против поджигателей войны ведется везде — и в этих стенах. Мы должны постоянно помнить о коварных приемах врага. В древнем Риме храм бога Януса был открыт только в период военных действий; в мирное время двери его закрывались. У джентльменов с Уолл-стрита он открыт теперь круглый год!.. Необходимо более строго относиться к приему новых членов, видеть большое даже в мелочах, и вообще… помните, как у Фучика: «Люди, будьте бдительны!»